

Инна Баршнская

Детектив
сильных
страстей

Закон
парных случаев

Дикие лебеди

Инна Бачинская

Закон парных случаев

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Закон парных случаев / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2020 — (Дикие лебеди)

ISBN 978-5-04-111722-1

Таких клиентов у частного детектива Александра Шibaева еще не было! Ему написал из Германии Алоиз Мольтке, потомок эмигрантов, с просьбой разыскать родственников и памятные места, связанные с его семьей. Предки Мольтке – в прошлом известные в городе люди, о них ходило много легенд, а главная – о крупном бриллианте необычного лилового оттенка, который бесследно исчез. В поисках информации Шibaев отправился в городской архив и обнаружил тело задушенного сотрудника – как раз в том отделе, где хранились нужные ему документы. Неужели кто-то ведет поиски параллельно с ним, но явно преследует какие-то свои цели?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111722-1

© Бачинская И. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Инна Юрьевна Бачинская

Закон парных случаев

*Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченый – не повторится.*

*День кончился. Что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем,
А все-таки – не повторится.*

Зинаида Гиппиус. Закат

*Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор.*

© Бачинская И.Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

... Что – мы?

*Вот хруст костей... вот молния сознания
перед чертою тьмы...*

И – перехлест страдания...

Зинаида Гиппиус. Гибель

Мобильный телефон оказался бесполезным, он понял это после третьей или четвертой попытки. Над ним был слой кирпичей и цемента. Луч фонарика скользил по грязному облупившемуся слою штукатурки, под ним – кирпичная кладка. Кирпичи узкие и темно-красные, очень старые. Углы... камеры! Он ухмыльнулся. Камера. Погребальная камера. Углы были затянуты серой, тяжелой от пыли паутиной. Он сидел на каменном столике, отодвинув фарфоровую чашку с высохшими черными хлопьями. Перед ним на продолговатой тумбе стоял гроб женщины, умершей более ста лет назад. В свете фонаря рельефно и жутко вырисовывалось в ореоле спутанной бесцветной гривы маленькое плоское лицо в ошметках коричневой кожи, желтые зубы в черных губах, глубокие ямы глазниц и провал на месте носа. Под истлевшим, когда-то белым платьем угадывались кости скелета. Из-под подола торчали острые носки туфелек. Казалось, женщина смотрит на него черными впадинами глаз и улыбается. Желтые зубы в черных губах... Он старался не смотреть туда. Краем глаза он заметил движение и вздрогнул. Мгновенный страх пробежал по хребту липкими лапками. На груди женщины сидел большой черный паук. Он направил на него луч фонарика. Паук исчез, и человек оторопело привстал, пытаясь понять, куда он делся. Привиделось? Экономя батарейку, он выключил фонарик и прислонился к стене, напряженно ожидая прикосновения паучьих лап. Стена была ледяной. Он чувствовал, что дышать стало труднее. Воздух был пропитан густыми запахами сырости и тлена. «Миазмы», – вспомнил он. Миазмы смерти. Темнота обострила слух, ему стали слышаться шорохи и потрескивания, словно где-то рвалась ткань или капала вода. Он прислушивался, надеясь почуять присутствие кого-то сверху... тогда он закричит! Он будет стучать в крышку, пока его не услышат! Ему помогут! Иногда ему казалось, что раздаются шаги над головой. Тогда он поднимался, упирался руками в тяжелую чугунную плиту и кричал... Но наверху все было тихо, и он понимал, что ему просто показалось.

«Этого не может быть, – думал он. – Так не бывает. Так не должно быть. Неужели это все? Пришло его время?» Время от времени он включал фонарик и смотрел бессмысленно, как скользит тонкий неожиданно яркий луч, выхватывая гроб, длинную высохшую мумию в грязно-белом платье... Мумия улыбалась ему, и он гасил фонарик, чтобы не видеть ее улыбки.

Он чувствовал боль в груди, пока невнятную и вкрадчивую; пытался вздохнуть глубоко, но словно наткнулся на мягкую ватную стенку. Боль в груди усиливалась. Он хватал тяжелый вязкий воздух широко раскрытым ртом, и ему казалось, в легкие вместо него льется густая вязкая жидкость...

Глава 1

Ночь и шорохи

Он слышал, как старик-вахтер, кашляя и шаркая ногами, обходит помещения, потом выключает свет и звонит на пульт охраны, сдавая объект. Грохнула тяжелая входная дверь и загремели ключи. Все. Он выдохнул, хотя понимал, что опасаться ему нечего. Но темнота небольшого кабинета, где он прятался, сидя на полу за письменным столом, громадное старое здание, шорох и треск паркета, даже ветка, скребущая по оконному стеклу, – все заставляло его поминутно облизывать пересохшие губы, сглатывать и прислушиваться. Ну, не Рембо он! Не Рембо! И решиться на подобную авантюру ему было непросто. Понукая и уговаривая себя, он наконец осмелился выползти из своего укрытия. «Чего ты боишься? – спросил он себя. – Темноты, как в детстве? Или того, что собираешься сделать? А что ты, собственно, собираешься сделать? В том нет никакой крамолы, а затеяно это ночью только по одной-единственной причине – чтобы не лезли с досужими вопросами. Он не только не Рембо, но еще и врать не умеет». Когда опаздывает на работу даже на пять минут, а в листке указывает положенное время, то целый день корчится от стыда. Причем разумом понимает, как не прав, – что такое пять минут, – а вот поди ж ты. Такой уродился. Пигмей, неспособный на поступок. Тогда-то и возникла идея остаться здесь на ночь, без помех проверить задуманное, а утром смешаться с другими и... гори оно все синим пламенем! «Да что ж ты за человек такой, – кричала бывшая. – Да пойдешь ты к начальнику и скажи! Ты же у них пятнадцать лет штаны протираешь, знаешь все ходы-выходы на память, кто, как не ты! Чтобы какой-то сопливый мальчишка обошел одного из старейших...» Господи! Бывшая была права. Он попросился на прием, сидел на кончике стула, мямлил что-то про преданность делу и вакансию. А начальник сказал: «Пони-маешь, Миша, тут нужен пробивной товарищ, с когтями, ты же знаешь, что мы загибаемся без средств, а этот выцарапает у мертвого, да и связи. А ты так сможешь?» Он честно ответил, что нет. «Иди, работай, – сказал начальник, – такие, как ты, тоже нужны». *Тоже нужны!* Уж лучше бы обругал, честное слово. И он пошел работать. Бывшая ушла через две недели, даже не попрощалась. Он пришел, а дом пустой. И вещи вывезла, даже посуду. Хоть квартиру не пришлось делить. Он только руками развел, но справедливо рассудил, что одному легче прожить. Хорошо, детей не завели. Была когда-то книжка, роман, читанный в молодости... как же он назывался? Что-то про маленького человека. А! Вспомнил. «Маленький человек, что же дальше?» Там какой-то не то бухгалтер, не то продавец, которого не замечали. Вот и он тоже. Архивариус! Сейчас даже не знают, что это такое.

Ладно, кажется, пора...

Светя себе фонариком, он вышел из укрытия и отправился к каптерке, где в шкафчике на щитке висели ключи. Открыл дверцу, осветил фонариком, выбрал ключ с биркой с цифрами «22/3» и снова закрыл. Прислушался, чувствуя, как взмокла спина.

Подошел к лифту, постоял, колеблясь. Решил, что движение могут зафиксировать каким-то образом, и повернул к черной лестнице. На площадке стоял синеватый полумрак из-за тусклой лампочки в металлической сетке и было холодно, как в погребе. Он поежился и снова прислушался. Гнетущая тишина, лишь еле слышное потрескивание старых стен и шуршание... пауков?

Он пошел вниз, машинально отсчитывая шаги и ступени: раз, два, три... Это избавляло от страха, который он испытывал, несмотря на повторяемую мантру: здесь никого нет, здесь никого нет, нет, нет... А привидения? Он попытался рассмеяться, но у него не получилось. Ступеньки уходили в темноту. Где-то внизу угадывалась еще одна синяя лампочка, но до нее была темнота, которую ему предстояло преодолеть. Раз, два, три... Четыре, пять... Пятьдесят

пять! С чувством облегчения он ступил на площадку перед нужной дверью с уже знакомыми цифрами «22/3», что означало третий нижний уровень, помещение двадцать два. Он не сразу сумел вставить ключ в скважину – так дрожали руки. «Успокойся, – сказал он себе. – Ты ничего крамольного не делаешь, просто не хочешь, чтобы тебя видели. Ты хочешь избежать чужих глаз и досужих расспросов. Потому что тебе нужно время – несколько часов – и после долгих колебаний и раздумий ты понял, что это можно... *проверить* только ночью, когда здесь пусто и никто не помешает. Ты же так решил? Так. А потому прекрати истерику. Будь мужчиной! Будь мужчиной... Господи, как часто он это слышал! Будь мужчиной, дай ему в морду! Будь мужчиной, не позволяй вытирать об себя ноги! Будь мужчиной, докажи ему! Ей! Им всем! Он докажет! Он им всем докажет и покажет. Сейчас наступает его звездный час».

Ему почудился шум сверху, как будто негромко лязгнула металлическая дверь – легкое чмокание, и он почувствовал, как замерло и пустилось вскачь сердце и взмокла спина. Он прислушался – напряженно, до неприятного комариного писка в ушах. Все было тихо. Показалось. Он перевел дух, провернул ключ в замочной скважине, нажал на ручку, и дверь с легким скрипом поддалась. На него дохнуло тяжелым затхлым духом непроветриваемого помещения и старой бумаги. Здесь было еще холоднее, чем на лестнице. Поколебавшись, он осторожно затворил за собой дверь и, светя фонариком, пошел к нужному сектору. Включить свет он не осмелился.

Он шел вдоль рядов с табличками с названиями и датами. Дошел до нужного, углубился в проход. Светя себе фонариком, нашел папки. Поставив фонарик на полку, чтобы освободить руки, достал одну из папок, положил на пол, присел на корточки и стал быстро листать пожелтевшие листки. За первой папкой последовала вторая, потом третья. Того, что он искал, все не было. Он нашел то, что было ему нужно, в восьмой по счету папке, издал удовлетворительный возглас, что-то вроде: «Наконец-то!» и «Бинго!» и достал айфон. Было два ночи – он пробыл здесь уже шесть часов. Он переворачивал страницу за страницей, фотографируя документы. Через двадцать минут он закончил и сложил листки обратно в папку. Потянулся, чувствуя приятную усталость в затекшем теле. «Все, – сказал он себе. – Вот и все». Он принялся просматривать отснятое, приговаривая и шепча что-то. Он был так увлечен, что не услышал ни звука открываемой двери, ни осторожных шагов. Архивное эхо тут же подхватило невнятные звуки, размазывая их по стенам, стеллажам и превращая в едва слышный шелест. Человек, листавший документы, ничего не слышал. В самый последний миг он почувствовал легкое дуновение ледяного сквознячка, но удивиться не успел, равно как и поднять голову. Его шею обхватили и сжали сильные руки, раздался негромкий хруст, и для него все было кончено. Фонарик откатился в сторону, под стеллаж, и светил оттуда таинственно и ущербно. Убийца отбросил тело, и оно, скорчившись, улеглось рядом с разбросанными листками. Он подобрал с пола папку, раскрыл, сгреб пожелтевшие листки, сунул в карман куртки. Сверившись с номером, вернул папку на место. Спрятал во внутренний карман айфон мертвого человека. Осмотрелся, подобрал с пола какой-то клочок. Постоял, окидывая взглядом высокие стеллажи, прислушиваясь, и пошел к выходу. Ключ торчал в замочной скважине снаружи; он провернул его дважды, подергал за ручку, удостоверившись, что дверь заперта, и стал подниматься по лестнице. Овальное пятно света плясало на ступеньках. Наверху он повесил ключ на щиток и примостился тут же на деревянной лавке, справедливо рассудив, что может немного вздремнуть. О человеке, оставшемся там, внизу, он уже не думал.

Утром, до появления первых посетителей, он прятался в каморке, где хранились ведра, швабры и ящики с инструментами и всяким ненужным хламом, потом – в мужском туалете. Когда же появились первые посетители, он выскользнул из здания...

Глава 2

Новый клиент

– Тебе письмо! – сказал адвокат Алик Дрючин своему коллеге и сожителю, частному детективу Александру Шibaеву, с которым делил офис. Он помахал в воздухе длинным узким конвертом, потом понюхал его, закатил глаза и сказал с придыханием, напирая на шипящие:

– Из Европы, между прочим. Из Германии!

– Дай! – Шibaев выхватил у Алика конверт, надорвал, вытащил белый сложенный листок, развернул и принялся читать.

– Ну, что там? – Алик сгорал от нетерпения. – Что она пишет?

Шibaев протянул ему письмо. Алик принялся читать, потом поднял глаза на Шibaева и сказал:

– Дохлый номер. Он действительно думает, что сможет вернуть свою собственность? Через сто лет?

– Разве нет закона о возвращении... как оно называется?

– Реституция. «Оно» называется реституция. Нечего возвращать, все порушено, исчезло, давно пропало. Разве что землю, но это тоже головная боль. Тут целая армия сыскарей ни до чего не докопается. – Алик пренебрежительно фыркнул. – Если мне не изменяет память, за последние двадцать лет было с десяток попыток вернуть какие-то барские поместья, но ни фи́га не получилось. Волокита и морока. В балтийских странах пошло живее, насколько я помню, да и то... И потом, кто будет платить за удовольствие? За полуразрушенные стены? Наследники, которые никогда тут не были, языка не знают... Что они будут делать с этой собственностью? Продать нереально, налоги неподъемные, про услуги адвокатов даже говорить не буду. Кому оно надо? Или деньги некуда девать? Не ожидал от немца, они цену копейке знают. Мы живем во времена прагматиков, к черту сантименты. – Алик подумал и добавил после паузы: – Правда, он пишет, что оплата раз в месяц плюс оперативные расходы. И вообще, надо тебе заметить, Ши-бон...

– Здесь что-то вроде чека, – перебил Шibaев.

– Покажи! – Алик вырвал у него из рук банковскую бумагу с подписями и штампами. – Ого! Две с половиной тысячи евро? Каждый месяц до удовлетворительного результата? Плюс оперативные расходы? Он что, миллионер? Этот... – Он заглянул в письмо. – Алоиз Мольтке! Ну и имечко! Алоиз! Наверное, из колонистов. В смысле, предки. Старый, наверное, вот и мается дурью. И язык какой-то несовременный! «Милостивый государь, обращается к Вам...» «Вам» с большой буквы! «...если можно так выразиться, бывший соотечественник с деликатным поручением...» Вот как! Деликатное поручение!

– Зачем оно ему, он не пишет, – заметил Шibaев.

– Ага, мотив отсутствует. Странно. А с другой стороны, тебе не однозначно? Допустим, хочет бросить последний взгляд на наследие предков и помереть. Ему бы нотариуса или кого-нибудь из архива нанять, больше бы толку, те стоят у истоков, так сказать. Что будем делать, Ши-бон?

– Ничего.

– То есть ты отказываешься?

– Ты же сам сказал, что дело гиблое.

– Могу повторить: дело гиблое и дурацкое. Но деньги-то не гиблые! Можно покопаться в архивах. В любом случае ты ничего не теряешь. Возможно, найдешь дом предков, где сначала был клуб, потом склад, потом магазин, потом опять склад. Конечно, если здание пережило Гражданскую и Вторую мировую. Напишешь ему, так и так, мол, нашлось ваше, родимое, вот

оно. И фотографию! Или наоборот: увы, не уцелело, разрушено во время войны. Стояло на этом самом месте, сейчас там парк или стадион, или овощной магазин. И опять фотку. За два-три месяца худо-бедно накапает. Не Клондайк, конечно, но на безрыбье и рак, как ты понимаешь, не помешает. Тем более у тебя сейчас временный застой. Соглашайся, Ши-бон! Спокойное дело – ни мордобоя, ни рисков, ни крови. Сиди себе и копайся в старых документах. Мечта, а не дело! Уж если этому Алоизу так приспичило платить.

Шибает пожал плечами.

– Он говорит, если ты согласен, то напиши, и он вышлет тебе семейные тайны. Так и написано: семейные тайны. Интересно, что имеется в виду?

– Имеются в виду имена и адреса, где жили предки, – сказал Шибает. – И время. Они не из колонистов, у нас тут их не было. Может, его прабабка эмигрировала и вышла замуж за Мольтку...

– И родила сына, тоже Мольтку, – подхватил Алик. – А он тоже родил сына Мольтку и так далее. В таком случае он не соотечественник, а потомок соотечественников. Правда, это не суть важно, отнесем за счет издержек перевода. Так берешься? Имей в виду, старый и больной старик просит о милосердии, грех отказывать. А где координаты? Куда писать? Обратного адреса нет.

– Тут еще карточка, – сказал Шибает, вытряхивая конверт.

– Покажи! – Алик принялся рассматривать прямоугольник атласной бумаги и читать с запинками, переводя с немецкого: – Алоиз В. Мольтке, фраген... э-э-э... интеллектуальной собственности унд авторских прав, рехтсбератер. В смысле, консультант. Никак коллега! Лично я согласен, сразу видно солидного человека. – Он поднял глаза на Шибаета.

Тот промолчал, раздумывая.

– Хочешь, я ему отвечу? – предложил Алик. – По-немецки?

У него когда-то намечался роман с австрийской адвокатессой, они вели один бракоразводный процесс с двух сторон, так сказать, познакомились и даже ездили друг к другу в гости. Алик засел за изучение немецкого, но скоро бросил, так как романа не получилось. Адвокатесса давила на Алика и требовала полного и безоговорочного подчинения. Конечно, она страшная, делился Алик с Шибаетым, тощая и курит, но голова! Мозги! Все кодексы шпарит наизусть. Но, понимаешь, Ши-бон нет в ней... Тут Алик шевелил пальцами и поднимал глаза к потолку. Нет в ней нашей романтики, мягкости, нежности... Женственности нет. Фельдфебель! Не ходит, а марширует. И стихи не любит. О, да! Конечно. Стихи! Алик знает их намерено и, когда на него находит, задалбливает Шибаета, который стихов не то что не переносит... Не, а чего? Есенина любит, увлекался когда-то в школе, кое-что еще помнит. Но чтобы вот так, без продыху... И взгляд, вспоминает Алик, ежась. Видит насквозь! Не дай бог не разулся в прихожей или пальто не повесил, а скажем, положил на тумбочку... Или вот еще: кофе! Алик любит пить некрепкий кофе из литровой кружки, со сливками, и кидает туда полкило сахара, да под бутерброд с чем-нибудь соленьким или на худой конец с ванильными сухариками. А у них кофий вроде деликатеса, после обеда, и надо смаковать. И непременно похвалить: о, какой замечательный кофе! О, как вы замечательно умеете его готовить! О! Вундербар! И обязательно стакан воды на закуску – а как же, этикет. Помогает сосуды не то расширять, не то, наоборот, сужать. Кофейная церемония. А в нем ложка стоит и сердце выскакивает. И горечь, не отплюешься!

– Ответь, если не в лом, – сказал после паузы Шибает. – Все равно простой. Или как это ты говоришь... стагнация. Ни одного стоящего дела за последние полгода, одна мелочовка. Надоело!

– А капитан молчит?

Шибает пожал плечами и не ответил.

Капитан Астахов из убойного отдела, с которым Шибаев время от времени пересекался по делу и сохранял вполне деловые отношения, сказал, что у них открывается новый суперважный отдел по особо резонансным, и он, капитан, рекомендовал Шибаева как опытного и креативного кандидата. Шибаев воспарил надеждой, но пока – тишина. Алик в глубине души не очень верил в воскрешение бывшего опера капитана Шибаева, так как в их конторе если спалился, то ход назад заказан, и никто не будет вникать, ты у кого-то калоши спер или у тебя. Испачкан – иди, гуляй.

Была несколько лет назад одна некрасивая история, связанная со взяткой от какого-то лавочника, который сунул Шибаеву конверт с деньгами. Тот не сразу понял, что это, а когда сообразил, было поздно. Его, любимчика начальства, перспективного опера, красу и гордость отделения, выперли по состоянию здоровья. Типа караул, коррупционер в наших рядах! Спасибо, хоть не привлекли. Все было так некрасиво и очевидно, что какие там оправдания! Растерянный Шибаев, как водится, запил. А что еще оставалось делать? На тот момент он был в разводе, утешить и приласкать некому...

Хотя бывшая супруга Вера скорее всего обрадовалась бы, так все мозги ему проела насчет маленькой зарплаты и ненормированного рабочего дня, а также устройства в ее банк начальником охраны. Но и тут все не так однозначно! После той истории в банк даже рядовым охранником, пожалуй, не возьмут. Так и пропал бы Шибаев, но тут случился как гений чистой красоты адвокат по бракоразводным делам Алик Дрючин, бывший одноклассник. Шибаев пил пиво в каком-то сомнительном шалмане, а Алик забежал туда перекусить, поспешая на судебное заседание. И произошла судьбоносная встреча. Алик поставил бумажную тарелочку с черствой плюшкой и жидкий кофе в таком же стаканчике – он, конечно, гурман, но только в свободное от работы время, – на столик Шибаева и сказал:

– Привет, Ши-бон! Помнишь меня?

Шибаев, разумеется, не помнил. Еще бы! Разве мог запомнить первый красавец школы и голкипер футбольной команды какого-то задохлика в очках? Он смерил Алика мутноватым взглядом и промычал что-то невразумительное.

– Может, расскажешь? – предложил Алик, отпивая жидкий кофе и откусывая от черствого пряника.

Вот так сразу и прямо, без всяких там заходов издалека вроде: «как дела?» да «где ты сейчас?» Разве не видно? На то Алик и адвокат, чтобы найти правильный подход и нужные слова. Он назвал его старой кличкой, которую Шибаев не слышал уже много лет. Его еще называли китаец Ши-бон... почему-то, хотя в нем не было ничего китайского, внешность вполне славянская. Может, потому, что Ши-бон звучало похоже на китайские имена: Мин-пин, Дун-дун, Шэн-лин. Полузабытое словцо настроило на сентиментальный лад, и ему захотелось выплакаться на хилой груди Алика.

Спустя пару дней Дрючин, будучи по натуре человеком дела, переехал к Шибаеву для оказания моральной поддержки. Помог с лицензией частного детектива и разрешением на оружие. Вытащил Алик тонущего Шибаева и дал путевку в новую жизнь, чем очень гордился. Несколько раз он порывался съехать с шибаевской жилплощади, но всякий раз что-то мешало, и как-то так Алик там и остался организовывать шибаевский быт, тем более что тот холостяк и не умеет готовить. А Алик, наоборот, умеет! Котлеты и жареная картошка – его конек. Еще чизкейк с вишневым вареньем. Бывшую Шибаева, Веру, он помнил по школе и не одобрял. Танк! Шаг в сторону – побег. А ведь какие девчонки за ним бегали! Вера была типа Аликовой австриячки, только не такая умная и на вид получше. Вообще, женщины по шкале Алика бывают четырех разновидностей: фельдфебели; стервиды, которых желательно обойти десятой дорогой, но никто почему-то не обходит, а потом кусает себе локти; женщины, достойные внимания, и домашние клуши. Он был женат четыре раза: один раз на клуше, один раз на нормальной милой женщине, в которой было мало перца, и два раза на стервидах для разно-

образия, причем одна была очень глупая. Не понимаю, жаловался Алик, как стервида может быть такой душой? Это какой-то... оксюморон!

Теперь адвокат был в свободном поиске, не терял надежды на любовь до гроба и трепетно следил за романами Шибаева, не упуская возможности при этом поназидать приятеля, приводя многочисленные примеры из собственной практики, а также из художественной литературы. Его любовь к литературе и фантазия простирались так далеко, что он время от времени сочинял письма от благодарных жертв, спасенных частным детективом Александром Шибаевым, причем с душераздирающими подробностями, и размещал их на сайте агентства. К счастью Алика, Шибаев заглядывал туда редко, а потому о художествах сожителя зачастую не подозревал. То есть не то, чтобы не подозревал, а, скажем, упускал из виду. Всякий раз, когда он совершенно случайно наткнулся на Аликовы опусы, раздражался дикий бенц, по выражению адвоката.

– Совсем охренел! – орал Шибаев, заикаясь от возмущения. – Какая беременная мать? Какой инвалид войны? Что ты несешь? Какая к черту сирота, вырванная из рук маньяка? Тебе что, скучно жить? Драйва не хватает? Напиши книгу! Не надо делать из меня идиота!

– Не надо на меня орать! – оборонялся Алик. – Тебе нужна реклама! После каждого письма кривая твоей занятости резко идет вверх. Могу доказать! Так что нечего тут! Спасибо скажи.

– Спасибо?! – взвизвался Шибаев. – Имей в виду! Еще раз! Только попробуй! И вообще, собирай манатки и домой. Нах хауз! Загостевался!

Алик демонстративно стаскивал с антресолей чемодан, гулял от шкафа к чемодану, принося по одной вещичке и поглядывая на Шибаева. Потом говорил невзначай:

– А мне сегодня благодарный клиент презентовал неплохой коньячок... Будешь?
И инцидент сам собой рассасывался.

Случалось, что Шибаеву доставалось по роду деятельности – то драка с нехорошим парнем, а то и ранение, и тогда Алик самоотверженно ухаживал за ним, кормил, поил и заставлял глотать таблетки. Шибаев возмущался, но терпел. Случалось также, что на него нападала депрессия по причине ничтожности стоящих перед ним задач, а также ничтожества клиентуры, и тогда записной оптимист Алик как дважды два четыре доказывал ему, что жизнь на самом деле – зебра, нужно только пережить черную полосу и дождаться белой. Шибаев, конечно, не верил, но журчащий занудный голос Алика его успокаивал, он впадал в транс, и окружающая действительность уже не казалась ему такой беспросветной.

Так они и жили.

... – Отвечаем? – спросил Алик. – Точно решил? Уверен?

– Отвечаем. Спроси, за каким хреном это ему надо.

– Я спрошу, какова цель его изысканий и что он собирается делать дальше.

– Спроси. И еще – хватит ли фотографий и документов или он собирается заявиться сюда собственной персоной.

– Ага. Так я пишу?

– Пиши! Он не говорит, как вышел на нас?

– Нашел в Интернете. Я все время повторяю тебе, Ши-бон, что ты недооцениваешь роль рекламы. Сейчас никто уже не читает газетные объявления. Так что скажи мне спасибо.

– Опять чего-нибудь набуровил? – подозрительно спросил Шибаев.

– И в мыслях не было! Можешь проверить.

Алик блефовал, надеясь на лень и нежелание Шибаева заглядывать на собственный сайт – он не любил и не умел говорить о себе в отличие от адвоката, который при любом удобном случае распускал перья и хвост. Не далее как неделю назад Алик, испытывая графоманский зуд, не удержался и сочинил новый опус о подвигах частного детектива Шибаева – про потерявшегося много лет назад ребенка, которого тому удалось отыскать буквально на днях. И вот,

не прошло и недели, как письмо от Мольтке! Алик торжествовал, но признаться Шibaеву не решился, рассудив, что расскажет как-нибудь потом или лучше пусть он сам заметит. Тогда есть надежда, что не обратит внимания.

Глава 3

Защитник вдов, сирот и обиженных девушек

Вчера мы встретились; – она остановилась – Я также – мы в глаза друг другу посмотрели...

Яков Полонский. Вчера мы встретились

Шибает зашел в «Мегацентр» купить батарейки к пульту и заодно выпить кофе в крошечном нарядном кафе «Фисташка», где подавали наряду с пирожными жаренные в меду подсолненные орешки. Правда, он не ел ни того, ни другого, но запах ванили воспринимал с удовольствием. День случился неприятный, дождливый и тусклый, Шибает был временно без работы, сидеть в офисе не хотелось, болтовня Алика раздражала, а здесь толпа, много света и нарядные лавки. Хорошо думается или, вернее, не думается, а просто сидишь, вдыхаешь запах кофе и ванили, смотришь на кипящую вокруг жизнь, на девушек, женщин и мужчин, прикидываешь, что вот эта ничего, и фигурка тоже, а этой не помешало бы сбросить пару кило, а этот – мутноватый тип и зенки бегают туда-сюда, как у кота на ходиках. Одним словом, хорошая расслабляющая атмосфера. И кофе неплохой, бывает хуже. Он допил свой и подошел к стойке повторить.

Впереди стояла женщина, молодая, судя по длинным волосам и короткому голубому в белый цветочек платью. Шибает пристроился за ней и вдохнул теплый и пряный аромат ее духов. Он отметил, что у нее слегка торчащие лопатки, острые локти и туфли на высоких каблуках. Он даже отступил, чтобы рассмотреть ее ноги, и определил их слишком тонкими. Перевел взгляд на макушку с четким пробором и стал прикидывать от нечего делать, какая она с фасада. Ему было видно, как она открыла сумочку и достала длинный оранжевый кошелек с клеймом компании – тисненый верблюд в овале и какие-то иностранные буквы. У нее были длинные розовые ногти. Хорошо, что не черные или зеленые, как у некоторых, подумал Шибает. Всякий раз, когда он видел черные или зеленые или еще какие-нибудь странного цвета ногти, он удивлялся и спрашивал себя, а мог бы замутить с такой... с ногтями. Этой моды он не понимал. Алик же, наоборот, говорил, что ему нравится. Шик, драйв, дерзость и молодость! А ты, Ши-бон, старомоден и скучен.

У женщины из сумочки выпала шариковая ручка. Шибает наклонился, поднял и тронул ее за плечо. Того, что последовало, он никак не ожидал. Она вскрикнула и резко обернулась, прижав к себе сумочку, на лице ее был написан ужас. Она, казалось, мгновенно побледнела – смотрела на него, пытаясь произнести что-то, но у нее не получалось. Он протянул ей ручку и отступил на шаг. Она перевела взгляд на ручку, потом снова на него. Облизнула пересохшие губы, взяла ручку, кивнула и со стаканчиком кофе в руке деревянной походкой пошла к свободному столику, села и оглянулась. Озадаченный, он взял свой стаканчик и подошел к ее столику:

– Вы позволите?

Она еще раз оглянулась, облизнула губы и кивнула, серьезно глядя на него круглыми серо-зелеными глазами.

– Я вас напугал...

Фраза повисла в воздухе. Не то утверждение, не то вопрос, а ты, будь добра, объяснись. Потому что я детектив, ищейка, сыскарь, который чует паленое за километр. В чем дело? Тебя что, ограбили и с тех пор ты шарахаешься от собственной тени? Или напали в темном переулке? Или муж обижает? Все это было написано у него на физиономии.

– Извините, – пробормотала она, – нервы расшатались. Совсем перестала спать...

– Что-нибудь случилось?

– Нет... Ничего. У меня так бывает, несколько ночей подряд не сплю и хожу, как зомби. Ничего не помогает. А потом все опять нормально. Спасибо.

– Может, тогда не надо кофе? – сказал Шibaев и удивился себе – проявил заботу, хотя никто его советов не спрашивал. Спецом по непрошеным советам у них числился Алик Дрючин.

– Не надо, я знаю. – Она попыталась улыбнуться. – Но очень хочется. Люблю его запах...

Она махнула рукой на свободный стул, и Шibaев сел. Они молча пили кофе. Она смотрела в стаканчик, а Шibaев, в свою очередь, рассматривал незнакомку. Подкрашенные голубым веки, очень светлые серо-зеленые глаза, тонкий нос, острый подбородок; она смешно вытягивала губы трубочкой, отпивая горячий кофе.

– Вы всегда так пугаетесь? – вдруг спросил он.

– Что? – Она настороженно уставилась на него. – Вы меня знаете?

– Нет, я вижу вас в первый раз, – сказал он раздельно, как говорят детям, почувствовав ее испуг. – Почему вы думаете, что я вас знаю?

Разговор у них получался какой-то пустопорожний и недужный, и он приказал себе: «Заткнись, ты ее пугаешь. Пей кофе и уходи. Оставь ее в покое».

Она пожала плечами, не глядя на него:

– Просто подумала...

Она убрала руки со стола, и он представил себе, как она сжимает их под столом. Да что это с ней? С приветом? Или боится... чего? Он сделал еще одну попытку:

– Вы чего-то боитесь?

– Нет! – почти вскрикнула она. – У меня все нормально!

Она снова оглянулась, взмахнула рукой, опрокинула чашку и смотрела в ступоре, не делая попытки вскочить, как по белому пластику разливается в ее сторону уродливая бурая лужа. Шibaев вскочил и отодвинул стол – бурая жидкость полилась на пол. Он накрыл лужу салфеткой. Женщина сидела неподвижно, обхватив себя руками, и на лице ее было написано такое отчаяние, что он сказал:

– Ничего, я принесу вам другой.

– Не нужно, спасибо. А то я не буду спать.

Ее слова не вязались с выражением лица. Ее мимика и слова существовали отдельно, никак не сцепляясь. Казалось, будто перепутали закадровую озвучку. Он стоял над ней дурак дураком, не зная, что еще придумать. Странная особа.

– Мне пора, – наконец сообразил он. – Не скучайте.

– Подождите! – сказала она ему в спину, и он оглянулся. – Спасибо!

Он кивнул, даже не пытаясь спросить, за что. Порылся в кармане, положил перед ней свою карточку:

– Если надумаете, обращайтесь.

Она схватила визитку и поднесла к глазам. Это было последнее, что он увидел. Створки прозрачной двери скользнули в стороны, и он вышел на мокрую улицу. Дождь прекратился, пока он сидел в кафе, и ветер стих. Было тепло, и в воздухе разливалась сизая туманная мгла. Машины проносились мимо с включенными фарами и были похожи на огнедышащих драконов. Казалось, наступили сумерки, хотя было всего-навсего около четырех. «Странная особа», – еще раз подумал он.

Глава 4

Высокие договаривающиеся стороны. Какое-то время назад

Было около полуночи. В дверь частного дома на краю поселка Еловица, где не светило ни одно окно, позвонили. Три коротких звонка, затем пауза, и снова три коротких. После чего позвонивший замер в ожидании, прислонившись к перилам крыльца.

Ночь была нехолодная, зябкая и какая-то мутная; в воздухе тяжело ворочалась влажная взвесь, затруднявшая дыхание, а по земле стелился туман. Белесое небо, подсвеченное далекими городскими огнями, подслеповато смотрело сверху.

Человек на крыльце терпеливо ждал. В доме было тихо. Он переменял позу и продолжал стоять, опираясь спиной на столб, поддерживающий навес над крыльцом. Вдруг он встрепнулся и прислушался: ему почудился шорох за дверью. Он прикинул ухом к холодному влажному дереву.

– Кто? – спросил безликий голос.

– От Барды, – ответил человек. – По делу.

Загремели замки, и дверь подалась. Человек задержал дыхание – изнутри тянуло гнилью. Он переступил порог и вошел. В коридоре горела обморочная лампочка и был навален какой-то хлам. Перед ним стоял хозяин дома, невысокий плешивый заморыш в семейных трусах и линялой футболке.

– Сюда! Идите за мной. – Заморыш повернулся и пошел вперед. Гость последовал за ним, полный сомнений. Не так он представлял себе специалиста по... фейерверкам.

Они вошли в комнату с закрытыми ставнями окнами. Хозяин включил свет – под потолком вспыхнула тусклая лампочка под пыльным стеклянным колпаком, – и повернулся к гостю:

– Ну, чего надо?

– Может, присядем?

Хозяин упал на стул у непокрытого пластикового стола, указал рукой на другой и спросил:

– От Барды, говоришь? Твой кореш?

– Нет, просто знакомый, – сказал гость.

Теперь он мог хорошенько рассмотреть хозяина. Незапоминающееся, какое-то жеваное лицо, маленькие глубоко сидящие глазки, жидкие волосы. Неожиданно мощная шея и покатые плечи – похоже, борец в прошлом. Он вспомнил рекомендацию Барды: «Липа – гений! Не смотри, что сморчок. Даже не сомневайся».

– Ну? – спросил хозяин.

– Нужно сделать кое-какую работу...

– Можно и сделать. Условия знаешь?

– Знаю. Деньги я принес.

– Цену скажу, когда обсудим. И никакого мочилова, понял? Я в эти игры не играю.

– Понял. Никакого мочилова.

– Ну? – Бывший борец был немногословен.

– Понимаете, нужно... – Он наклонился к хозяину и понизил голос.

– Чего? – изумился тот, выслушав. – На хрен? Ты что, из этих, черных копателей? А если киркой? На хрен тебе шум?

– Там все заварено и чугунная плита, не вырвешь... Я пробовал, никак. Возьметесь?

Хозяин думал. Потом сказал:

– Надо сходить посмотреть. Пойду сам. Расскажешь, как найти. Штука зеленых. Пятьсот – аванс, даешь сразу.

– Почему так дорого?

Хозяин прищурился, его глазки совсем исчезли в глубоких впадинах – на гостя смотрела безглазая и какая-то потусторонняя физиономия, – хмыкнул и сказал издевательски:

– А за вредность! Я с детства боюсь мертвяков, понял? Ну, так как? По рукам?

– Я согласен. Я тут нарисовал план... – Гость достал из кармана куртки сложенный в несколько раз листок. – Вот, возьмите.

Хозяин взял листок и принялся рассматривать.

– А вы раньше уже... – гость запнулся; хозяин вызывал у него серьезные опасения. Правда, Барда клялся, что мужик стоящий.

– Отзынь! Все сделаем, как надо, не рохай. Через неделю сбежимся, в это самое время. Доложусь, что и как. Особые пожелания будут?

– Особые пожелания? – Гость опешил. – В смысле?

– Ну, мало ли. Свечки поставить вокруг... – Он ухмыльнулся.

– Какие свечки? – Гость почувствовал, как по спине скользнула струйка холодного пота. –

О чем вы?

– Нет так нет, хозяин – барин. Все? Не задерживаю. Дорогу знаешь. Деньги не забудь!

Гость достал портмоне, отсчитал пять банкнот и положил на стол. Встал и на ватных ногах пошел к двери, чувствуя лопатками невыразительный взгляд хозяина. В голове промелькнула картинка: он идет, а этот хмырь целится сзади из чего-то, между лопатками у него светится красная точка, и вот сейчас, сию секунду... паф! Или топором.

С чувством облегчения он сбежал с крыльца и быстро зашагал в сторону бедной районной больнички, около которой оставил машину. Плюхнулся на сиденье, захлопнул и заблокировал дверцу и только потом перевел дух. Какого черта, спросил себя, чего тебя переклинило? Жалкий тип, кустарь-одиночка... Ну да, нечистое жилье, заброшенный, заросший грязью угол, но не монстр же и не убийца, а обычный мастеровой! Он вспомнил невыразительное лицо мужчины, его скользкий оценивающе взгляд и мощную шею... Поежился. От всего вкуче веяло таким жутким, безнадежным и далеким от того, к чему он привык и в чем вращался, что минут десять он сидел неподвижно, положив руки на руль, и восстанавливал дыхание. Ему было страшно. В голове почему-то вертелось: перешел Рубикон... перешел... перешел...

А хозяин в это время стоял на крыльце, растроганный и полный воспоминаний. Барда вынырнул! Ленька Бардин... Столько лет прошло, надо же! Он и не вспоминал пацана, был уверен, что тот давно сгинул. Да, видать, ошибся. Интересно бы повидаться, вспомнить молодость...

Глава 5

Детские кошмары всегда с тобой

Капитан Астахов устремился к своей «Хонде», но был остановлен зычным окриком:

– Астахов! Стоять!

Он сразу узнал этот голос. Адская англичанка! Мысленно чертыхнувшись, капитан повернулся, попытавшись изобразить на лице приятное удивление.

– Ада Борисовна! – воскликнул он с фальшивой радостью. – Здравствуйте! Гуляете?

Странный вопрос, принимая во внимание тот факт, что старая дама сидела на раскладном стульчике под стеной райотдела. Была она наряжена в длинное холщовое платье с синей вышивкой по подолу и на рукавах, а на ее голове красовалась соломенная шляпка с букетом слегка пожухлых маков и ромашек. Он отметил также густой румянец на скулах, темно-красный рот и подумал, что раньше губная помада была ярко-малиновой. Дама прочно сидела на своем хлипком стульчике, расставив для равновесия ноги, опиралась правой рукой на трость и строго смотрела на капитана.

Это была его школьная учительница английского языка, Ада Борисовна, женщина с необычными вкусами и привычками, особенно в отношении одежды и шляпок, со специфическим чувством юмора, славившаяся своим сарказмом и умением высмеять и дать по мозгам нерадивым. Старая дева, между прочим, кроме английского, учившая их манерам. Когда входит дама, мужчина обязан встать; подать пальто; пропустить вперед; отодвинуть стул, а потом задвинуть; не чесаться; каждый день менять носки и принимать душ, чтобы не несло; чистить ногти... и многое другое. Они, недоросли, хихикали и крутили пальцем у виска, а ведь осталось что-то! Девочкам она тоже много чего рассказывала. Когда мальчики их спрашивали, они только хихикали и краснели. Тогда барышни еще умели краснеть.

Английский был его кошмаром. Язык не поворачивался повторять чужие и чуждые его челюсти звуки. Сердце замирало, когда он, сложившись пополам за задней партой, слышал цоканье ее туфель... Высоченные каблуки при более чем скромном росте, букли, одежды райской птицы и ярко-малиновая помада, как уже упоминалось – ее было видно издалека. Из-за высоких каблуков она слегка... как бы это выразиться... Ковыляла! Было видно, как ей трудно, но она не сдавалась. Она была странная, но что удивительно, над ней не смеялись. В ней чувствовалась личность. С ней можно было договориться. Она была не злопамятна и вполне добродушна, правда, с раздвоенным язычком. Кто-то из них назвал ее хипповой теткой, а девочки спорили, сколько ей лет. Кличка ее была Адская англичанка. Или Атомная бомба. Или просто А. Бэ. – по инициалам.

Она сидела на своем складном стульчике, склонив голову, рассматривала капитана Астахова, и он с трудом подавлял желание вытянуться во фрунт. Ему снова было четырнадцать...

– Нам нужно поговорить, Коля.

Он удивился – его имя в устах Ады Борисовны звучало непривычно. Она всех называла по фамилии. «Помнит», – подумал он с чувством, похожим на умиление. Она с трудом встала, опираясь на трость, и кивнула на складное сооружение.

Капитан Астахов поспешил сложить стульчик и предложил:

– Пойдемте ко мне, Ада Борисовна.

– Давай на воздухе. Тут около вас парк, там высадили цветы моей юности – портулак. Посидим, полюбуемся и поговорим.

Капитан Астахов только вздохнул, прикидывая, сколько времени займет разговор и что ей нужно. Она пошла вперед, как флагманский корабль, а он, словно шлюпка, потащился сле-

дом, рассудив, что если он сзади, то можно помолчать. О чем с ней говорить, он решительно не знал. Она села на скамейку, он опустился рядом.

– Я несколько раз пыталась дозвониться, но мне говорили, что тебя нет. Много работы?

– Много, Ада Борисовна.

– Я тебя надолго не задержу. Ты знаешь, Коля, сколько мне лет?

Капитан Астахов оторопело уставился на нее. Когда-то она сказала, что возраст женщины – табу. В смысле, даже не заикайтесь, а то не комильфо.

– Не знаю, как-то не думал, – сказал он после паузы.

– Семьдесят восемь. С головой все в порядке, хоть в космос. Репетиторствую. Хорошо сплю. Пищеварение нормальное. Настроение... никаких депрессий и нытья. Ты меня знаешь.

Он слушал с растущим недоумением, не понимая, куда она клонит.

– И то, что я сейчас скажу, не плод старческого слабоумия. Нужна твоя помощь. В моем доме кто-то бывает.

– Кто-то бывает? – повторил он, не зная, как реагировать на ее слова.

– Да! Без приглашения. Вещи передвинуты, книги лежат в другом порядке, ящики задвинуты не до конца. Я еще не сошла с ума.

– То есть вы хотите сказать, кто-то что-то ищет у вас в доме. Без спроса?

– Да. Какой уж спрос!

– У вас есть ценности? Деньги? Золото?

– Нет. Я никогда не признавала золота, а то, что мне дарили мужчины, давно реализовала.

Сам знаешь, времена сейчас трудные.

Мужчины? А они считали, что старая дева.

– Когда это происходит, по-вашему?

Она пожала плечами:

– Я их ни разу не видела.

– Ночью или днем?

Она задумалась:

– Не знаю. Не уверена. Хочется думать, что днем, когда я выхожу, а не ночью, когда сплю.

Каждый день я два часа гуляю в городском парке. Вот в это время, возможно, они и приходят.

– Что-нибудь пропало?

– В том-то и дело, что нет. Да и нет ничего такого. Много одежды. Да, я всегда любила одеться. Немного дрезденского фарфора, всякие фигурки, штук семь или восемь. Пианино с подсвечниками, очень расстроенное. Семейные альбомы. Столовая посуда интересная, но старая, две старинные вазы, бабушкины. Все. Еще несколько картин сомнительной ценности. И шкатулка с морально устаревшим бижу.

– Ничего не сломано? Замки? Шкатулки? Сейфы?

– Все в открытом доступе, в моем доме нет замков. А сейфа никогда не водилось.

– А не может так быть, что вы... – Он хотел сказать: «...сами передвинули, открыли, не задвинули, и не обратили внимания? Забыли?» – но не решился, боясь обидеть ее.

Она поняла и отчеканила:

– Не может. Я сто лет не брала в руки фарфоровых балерин, не лазила в ящики письменного стола и не открывала семейные альбомы. Я сейчас обхожусь удивительно малым количеством предметов. И если что-то сдвинуто, знаю, что это сделала не я. Я пришла к тебе, потому что ты служишь в милиции и знаешь, что нужно делать. Я не боюсь, что меня убьют. Если они не убили меня до сих пор, то это не входит в их планы... скорее всего. Я просто хочу знать, что происходит. Надоел этот... симбиоз. – Она хмыкнула. – Причем меня смущает методичность визитов. Это не ван-тайм экшн¹, иначе они не стали бы сохранять видимость порядка.

¹ One-time action (англ.) – однократное действие.

Нет, они приходят снова и снова и стараются действовать очень осторожно. Тем не менее я их *засекла*... так, кажется? Дважды. И у меня вопрос: что полагается делать в подобных случаях? Никаких заявлений писать не буду, это не имеет смысла. Пришла только потому, что мы знакомы. Интернет читаю, знаю, что происходит, все эти маньяки, грабители, убийцы... Никто на старуху и внимания не обратит. Ты занят, я понимаю, но что *мне* делать?

Капитан опаздывал на важную встречу, он чувствовал, как под его подошвами горит земля. Конечно, по-хорошему надо бы ее проводить, зайти, осмотреться, но... никак!

– Ада Борисовна, я зайду к вам, если сумею, сегодня же. Не волнуйтесь, мы все решим.

– Может, пригласить собаку?

– Пока без собаки. Попробуем разобраться сами.

– Вот адрес! – Она протянула ему листок из блокнота. – Буду ждать. Спасибо, Коля.

– Может, отвезти вас домой? – предложил он, кляня себя за мягкотелость.

– Не нужно. Я еще посижу. Посмотри на этот цветок! Цвет просто сумасшедший! Мой любимый – малиновый...

Астахов не понимал, почему испытывает чувство вины и неловкости. Он не поверил ей. Ее возраст, одиночество, эксцентричность, которая усилилась с годами – все это говорило не в ее пользу. Все это лежало настолько за пределами его представлений о норме, что ему было трудно принять ее способность здраво мыслить и рассуждать. Но и отмахнуться от нее он не мог. В ее присутствии он все еще стоял по стойке «смирно».

После долгих размышлений он не придумал ничего лучшего, как позвонить частному детективу Александру Шибаеву, с которым его связывали умеренно дружеские отношения, и попросить о помощи.

– Привет, Санек, – начал капитан. – Ты как? Жив-здоров? Как Дрючин? Сильно занят?

Шибаев насторожился. Иногда случалось так, что они пересекались, невольно и случайно, расследуя дела, казалось бы, совершенно не связанные – капитан, как лицо официальное, требовал поделиться информацией, задевающей шибаевского клиента, и тому приходилось вертеться, как ужу на сковородке. Вот тогда-то капитан и называл его «Санек». В Шибаеве на миг трепыхнулась надежда, что капитан сумел решить его дело и теперь звонит, чтобы сообщить радостную новость, но он ее тут же отодвинул. Уж очень сладким был голос капитана – так не сообщают о достигнутом успехе. Прикинув и не найдя, что может быть ему нужно, Шибаев сказал после паузы:

– Жив-здоров. Дрючин тоже. Спасибо. Занят. – И замолчал.

– Понимаешь, Санек, тут такое дело... Нужна помощь, а у меня со временем никак, заматался, как бродячая собака. Выручишь? – Голос капитана был слаще меда.

– А в чем дело?

Капитан с чувством облегчения в двух словах изложил Шибаеву историю учительницы английского и продиктовал адрес и номер телефона. Напоследок сказал:

– Успокой ее, Санек, поговори с ней. Ее зовут Ада Борисовна Резник. Мы называли ее Адская англичанка. Ну, походи по дому, не знаю... Осмотрись, выпей чаю. Посоветуй завести кота в конце концов. Сделаешь? За мной не пропадет, ты меня знаешь.

– А почему сам не можешь?

– Я же говорю, цейтнот страшный. Не знаю, за что хвататься. И если честно, я до сих пор ее боюсь. А надумаешь учить английский, можешь обращаться, она берет учеников. Или Дрючин. Спасибо! Потом отзвонишься, лады?

Шибаев только хмыкнул. Подержал в руке мертвую трубку, из которой уже не доносилось ни звука, и спрятал в карман куртки...

Глава 6

Вперед, мой мальчик!

– Ши-бон, нам письмо! – Алик оторвался от экрана. – От Мольтке! Быстро отозвался старичок.

– Что пишет? – Шибаев замер с гантелями в руках. Дело было утром, и он был занят физической культурой.

– Благодарит за скорый ответ, очень рад и надеется на плодотворное сотрудничество. Его интересует не только собственность, но и возможные родственники или их могилы. – Алик взглянул на Шибаева. – Зачем ему могилы, интересно... Цветы положить? Потрясающе сентиментальный старичок. Пишет, что посылает исходные материалы: имена, даты, пароли. Судя по лексике, старый крючоктвор. Но язык неплохой, просто удивительно. Наверное, бабушка научила. Сейчас распечатаю приложение.

Шибаев кивнул и возобновил упражнения. Ему было слышно, как пощелкивал принтер. Алик, вытянув шею, рассматривал выползающие листки, подхватывал по одному и складывал на письменном столе.

– Шесть листов! Не могу! История моей жизни. Слышишь, шесть листов! Читать? Слушаешь?

– Читай. – Шибаев задумчиво сгибал и разгибал руку с гантелей, глядя в окно.

– «Брат моего прадеда, старший в семье, Алексей Иванович Старицкий, дворянин, когда овдовел, женился вторично на девице... – Алик хихикнул. – На девице! Каролине Бергманн... Тут старое написание, оригинальное, с двумя «н», – пояснил Алик. – ...Каролине Бергманн, дочери местного предпринимателя, младше его на двадцать пять лет». – Алик воскликнул: – Ага! Вот откуда немецкие корни! Дальше изложу тезисно, так сказать. От первого брака у него было двое сыновей, Петр и Павел, обучавшиеся за границей. Ага, вот! Интересно. «Пышная свадьба имела место в самом шикарном ресторане города «Английский клуб», о чем писала газета «Губернскія ведомости». Тут сноска: вырезка из газеты прилагается. Вот она! Печать ни к черту, но разобрать можно. Так, что здесь... «Бал-маскарад в пользу детского приюта с розыгрышем в лотерею серебряных вещей, стоячих ламп...» Видимо, торшеров, – объяснил Алик. – «...Бархатных ковров и альбомов. Плата за вход с дамы и кавалера по 1 руб. со включением благотворительного сбора». – Алик оторвался от чтения и спросил: – Это много или мало? А за лотерейный билет сколько?

– Дрючин, при чем тут маскарад? – очнулся от созерцания окна Шибаев.

– Просто попало. Интересно ведь. Дальше ничего нет, отрезано.

– А про свадьбу что?

– И тут же о свадьбе Алексея Ивановича Старицкого, дворянина, с Каролиной Бергманн... можно с одним, – дочерью немецкого предпринимателя Генриха Бергмана. «Торжество имеет место быть в самом изысканном ресторане нашего города «Английском клубе», приглашенных двести человек, фейерверк и раздача денег народу...» Надо же! У нас и сейчас есть «Английский клуб»! Понятия не имел, что плагиат. Тут еще заметка из какого-то бульварного листка. – Алик поднес листок к глазам. – Сейчас, плохо видно! «По слухам, уважаемое аристократическое семейство недовольно неравным браком г-на Старицкого и девицы из немецкой общины, так как Каролина Б. несколько лет была бонной его детей... Разница в возрасте в двадцать пять лет... г-н Старицкий перед тем вдовел четыре года...» Дальше неразборчиво. Ага! «Бесприданница! Не ладил с отцом, по свидетельствам тех, кто его знает, деспотом и тираном. Окончила курс в медицинской школе в Санкт-Петербурге и имеет взгляды весьма передовые и эмансипированные. Те, кто ее знают, отмечают сильный характер и строптивость...»

Так, дальше. «Спустя год племянник Старицкого, сын младшего брата Дениса, он же мой прадед, Артемий Старицкий, женился на сестре Каролины, Теодоре Бергман. Это были мои бабушка и дедушка. В тринадцатом году они уехали в Италию. Никаких сведений о семье в годы Первой мировой, революции и Гражданской войны они не имели. Неоднократно пытались разыскать родных, но безуспешно. Из Италии моя семья переехала во Францию, затем – в Германию, где я проживаю до сих пор. В Германии родилась моя мать Мария, урожденная Старицкая, которая вышла замуж за морского офицера Хельмута Мольтке». – Алик отложил листок. – Как я и предполагал. Похоже, старик остался совсем один, ностальгия замучила. Для каждого из нас, Ши-бон, рано или поздно наступает время собирать камни, и я уверен, что...

– Про свадьбу все? – перебил Шибаев.

– Все. Это всего-навсего короткие вырезки.

– Что он подарил ей?

– Кому?

– Невесте, Дрючин. Что Старицкий подарил невесте, девице Каролине? Тут тебе и маскарад, и лотерея, и раздача денег. А подарок? Особняк? Тройку рысаков? Больницу? Должны были написать.

– Больницу? – удивился Алик. – Почему больницу?

– Потому что она медсестра.

– Ты думаешь, она после свадьбы собиралась работать?

– Не знаю. Зачем тогда было кончать курсы? Во всем должен быть... как говорила твоя австриячка? Порядок по-немецки.

– Э-э-э... орднунг.

– Именно. Там ничего нет про подарок?

– Ничего. Тут вообще немного, статья не полностью. Какая разница?

– Разница есть. Написано про всякую ерунду, а про подарок ничего.

– Может, отрезано?

– Может. Чего конкретно он хочет?

– Он ищет родных, живых или мертвых. Старицких и Бергманов. Бедный одинокий больной старик... Кстати, если Бергманы остались у нас, то одно «н» из фамилии исчезло.

– У Старицкого и Каролины были дети? Ты дочитал до конца?

– Тут ничего об этом нет. Может, и были. Связь прервалась чуть не на столетие.

– Почему он решил искать только теперь?

– Постарел, все умерли, стал сентиментальным. Опять-таки, какая тебе разница? Не будь занудой.

– Черт его знает, может, никакой. Ты знаешь у нас в городе каких-нибудь Старицких или Бергманов?

Алик нахмурил брови, задумался.

– Не припоминаю. Для начала надо посмотреть в телефонной книге. Потом покопаться в архивах, поднять газеты, поговорить с краеведами. Наша беда, Ши-бон, в том, что мы не помним предков. Два-три поколения и все. От силы четыре. Нас же все время трясет! То война, то революции. Лично я начал бы с исторического музея или архива. Если Старицкий был, к примеру, аграрий или заводчик, или писатель, то он у них на стенде... в смысле, в музее. Там есть стенды по истории нашего города, всякие выдающиеся люди, кто что построил. Завод, приют или бесплатную едальню для бомжей. Например, я помню стенды Галаганов, Лизогубов, Разумовских... Нас всей школой водили на экскурсию. С портретами, всякими личными вещами и мебелью. Помню серебряную чернильницу в виде собаки. Даже детские игрушки были...

– Ясно, – перебил Шибаев. – Ты случайно не хочешь заняться английским? Немецкий ты уже знаешь, как насчет английского?

– Чего? – спросил после продолжительной паузы Алик. – Каким боком английский к Мольтке?

– Никаким.

– Ага, понятно. Кстати, о газетах. Знаешь, когда появилась первая газета?

– Когда?

– В пятьдесят девятом году до нашей эры. В Риме. Называлась «Acta Diurna», что-то вроде «Ежедневного вестника». Юлий Цезарь приказал вывешивать ее на городских площадях. Там сообщалось о военных кампаниях, скандалах, судебных процессах и казнях. А почему ты спросил про английский?

– Учительницу английского языка капитана Астахова пугают грабители, он попросил разобраться.

– Грабители? А что украли?

– Ничего.

– В смысле?

– В прямом. Ничего.

– А как они ее пугают?

– Передвигают вещи, когда ее нет дома.

– Почему он сам не разберется?

– Во-первых, он ей не поверил, а во-вторых, он ее до сих пор боится. А отказать не посмел.

– Может, полтергейст?

– Может. Так кого мы ищем? Мольтке пишет, что Старицких было двое, братья Алексей и Денис. В тысяча девятьсот одиннадцатом году Алексей, старший, женился на Каролине Бергман, а его племянник Артемий Старицкий, сын Дениса, спустя год женился на ее сестре... как ее?

– Теодора.

– То есть получается, что Каролина стала теткой Артемия, а ее сестра Теодора его женой. Эти уехали за границу, их потомок Алоиз Мольтке разыскивает остальных через сотню лет. И все-таки, на фиг, спрашивается? Вот взять тебя, Дрючин, – ты знаешь своих предков с начала прошлого века?

– Деда знал, прадеда не знал. Он был ветеринаром.

– А глубже? Дед не рассказывал? Не хочешь покопаться?

– Надо бы, конечно... – Алик пожал плечами. – Как-то не думал. Дед? Может, и рассказывал. Вроде все священники были. Он, когда подохнет, о детстве рассказывал или про войну. Да кто ж его слушал! Только шарахались. Сейчас бы я, конечно, расспросил, а тогда... В каждой приличной семье хранятся семейные реликвии, альбомы, документы, медали... похвальные грамоты, наконец. Ну и всякий интерес к преемственности поколений, родным могилам, семейным легендам... если, конечно, интересоваться. Но когда столько войн и пожаров, когда беженцы и бомбежки – тут бы только выжить. Хотя попытаться можно. А ты знаешь?

– Прадеда помню. Маленький сухой злой старикашка, гонял нас из сада. Были братья, трое, кажется. Все погибли на фронте. Он был малой еще, хромал, – лошадь искалечила, – на фронт не взяли. Работал конюхом до самой смерти. Жил в деревне, осталась хата... вроде там до сих пор живет кто-то из дальних родственников. Не знаю. Прабабку не помню, ее не было уже. А меня к нему закидывали на все лето. Ему было лет сто, но живой, юркий, пил водку собственного производства, страшно вонючую и мутную Мы с мальчишками как-то украли бутылку и попробовали в кустах, так нас потом чуть не до вечера рвало на части. Как-то он отлупил меня прутом – свинья залезла в огород, сожрала помидоры. Я его ненавидел! А сейчас вспоминаю. Расспросил бы... – Он помолчал. – Ладно, Дрючин, проехали.

– Я тут надумал написать историю семьи, все, что помню. Тетка, мамина сестра, еще жива. Правда, я ее три года не видел.

– Совести у тебя нет, Дрючин. Насчет истории это хорошо, пиши. Дашь почитать? – ухмыльнулся Шибаев. – Ладно. Вернемся к баранам, как ты любишь говорить. У нас на руках Алоиз Мольтке, отсюда и будем плясать. Заходим по новой. Братья Старицкие, Алексей и Денис, сын Дениса Артемий, сестры Каролина и Теодора Бергман. У Алексея Старицкого были сыновья от предыдущего брака, Петр и Павел. Возможно, были дети в новом браке. Все?

– Еще семья Бергманов. Кроме сестер Каролины и Теодоры могли быть другие дети. Надо нарисовать генеалогическое древо.

– Надо. Навскидку с десятков наберется. Кто-то должен был остаться, такая прорва народу не может просто исчезнуть.

– Еще как может! – сказал Алик. – Три войны и революция...

– Не будь таким пессимистом, Дрючин! Посмотрим.

* * *

Пару месяцев назад двое старых приятелей сидели в пивном баре для невзыскательных клиентов. Здесь было шумно, нечисто и воняло пролитым пивом.

– За встречу! – Небольшой плюгавый с покатыми плечами борца поднял кружку с пивом.

– За встречу! – повторил второй, здоровенный амбал с наколками на тыльной стороне кисти. Они выпили.

– Как житуха? Путем?

– По-всякому.

– Не думал, что ты вернешься, Барда. Вроде говорил, сваливаешь надолго.

– Чувак предполагает, а он... – Амбал кивнул на потолок, – ...располагает. Я к тебе недавно одного шибздика послал, приходил?

– Приходил. Твой кореш?

– Случайно познакомились. Играли в парке в шашки. Слово за словом, он говорит, нарыл в компьютере, как сделать взрывчатку, а она не взорвалась. На хрен, спрашиваю, тебе взрывчатка? Соседа замочить? Он даже испугался, говорит, никого я мочить не собираюсь, просто надо кое-что взорвать. Смотрю я на него, думаю, что за шняга, что ты, любезный, несешь? Он вроде как не в себе был, болтал что попало, я и слушать перестал. Смотрю: прикид, рыжевые на пальцах, сразу видать, фраерок с баблом. Думаю, дам заработать старому дружбану. Сговорились?

– Сговорились. – Второй рассмеялся.

– Чего ему надо?

– Не поверишь! Открыть часовню на старом кладбище.

– Часовню?! – не поверил товарищ. – На хрен?

– Он, видать, из этих, кладоискателей. Там дверь была заварена, ну я ее и... – Он прищелкнул языком. – Разнес в щепки.

– А что внутри?

– Я не лез. Не мое дело. Он заплатил, я сделал. Квиты. Сказал, заходи еще, если что, милости просим. Шибздик и есть. Озирался, дергался. Сиганул с хаты, себя не помня. Пролетел мимо на тачке...

– Номер запомнил?

– Запомнил.

Они смотрели друг на друга.

– Ну, смотри, – сказал первый. – Дело хозяйское. Не зашиби ненароком.

Амбал ухмыльнулся...

Глава 7

Визит к даме

*Как обвораживает мне глаза
Адриатическая бирюза!*

Игорь Северянин. Адриатическая бирюза

Кукольный домик в частном секторе под названием «Кавказ», слегка перекошенное крыльцо и тускловатые окна, затененные буйными зарослями дикого винограда. Черепичная крыша, позеленевшая от ползучего мха, и труба, закопченная даже снаружи. В углу двора деревянная хибара – сарай. Трава по пояс, заросшая подорожником едва заметная тропинка. То ли живут, то ли нет. Район, прилегающий с одной стороны к речному порту, а с другой – к городскому парку, где проживает кошмар капитана Астахова, его школьная учительница английского, Ада Борисовна.

Шibaев поднялся по скрипучим ступенькам, постучал. Звонка не было. Краем глаза заметил движение в окне справа – его рассматривали. Потом зычный голос изнутри спросил:

– Что вам нужно?

– Ада Борисовна, я от капитана Астахова. Пришел по его просьбе.

Загремел замок, и дверь распахнулась. На Шibaева смотрела очень немолодая дама в ярко-зеленом атласном халате и с громадной от разноцветных трубочек бигуди головой, покрытой прозрачной сеточкой, с густым румянцем и темно-красным ртом, в тапочках с собачьими мордами. Он отметил, что губы у нее накрашены неровно – видимо, она спешила. Некоторое время они рассматривали друг дружку. У Шibaева мелькнула мысль, что Ада Борисовна, мягко выражаясь, странная.

– Заходите! – наконец разрешила она. – Ничего, что я в неглиже?

Шibaев пробормотал, что ничего, пригнувшись, перешагнул порог и остановился нерешительно.

– Оставайтесь в обуви! – последовал приказ. – Терпеть не могу мужчин в носках.

Он вошел за ней в небольшую комнату – гостиную, судя по телевизору, дивану и креслам вокруг журнального столика и горке со стеклом. Здесь царил полумрак, светилось лишь пятно работающего экрана. Звук был выключен. На журнальном столике стояли старинный поднос с чашкой чая и пустая вазочка.

– Садитесь! – Она царственно махнула рукой. – А почему Коля сам не пришел? Неужели до сих пор трусит?

Шibaев почти упал в низкое кресло и пробормотал, что капитан занят. И еще подумал, что угадал: капитан ее боится!

– Вы его коллега? – последовал новый вопрос.

– Мы когда-то работали вместе, – ответил он уклончиво.

– Удостоверение с собой?

– С собой. Показать?

– Не нужно, я вам верю. У вас лицо честного человека. Хотите чаю?

– Ада Борисовна, давайте сначала поговорим. Вы утверждаете, что в вашем доме бывают посторонние, так?

– Да, утверждаю.

– На чем основаны ваши утверждения?

– Как вас зовут? – неожиданно спросила она.

– Александр. Александр Шibaев.

– Очень приятно. Понимаете, Александр, жизнь слишком коротка и быстротечна, особенно на закате, поэтому я не растрчиваюсь на всякую ерунду. Вокруг столько интересного! Вот только пару дней назад я наконец узнала разницу между «елеем», «миро» и «мирра». По простоте душевной полагала, что это все примерно одно и то же. Оказалось, нет! Интернет вроде блошиного рынка, не находите? Обожаю блошинные рынки! Ходишь, бегаешь глазами, зависаешь над лотками, удивляешься и понимаешь, как много тебе просто неизвестно, проскочило мимо.

Она помолчала, с улыбкой глядя на Шibaева. Он кивнул, соглашаясь и спрашивая себя, какого черта он здесь делает. Ей не хватает общения, хочется поговорить. Все старики любят поговорить. На блошином рынке он никогда в жизни не был и не собирался – кого интересуется какое-то старье?

Видимо, все это отразилось на его физиономии, и Ада Борисовна сказала, словно оправдываясь:

– Я всегда любила поговорить. Где-то в сети встретила японскую шутку о том, что нужно жениться на болтливых женщинах – на пенсии будет не так скучно. Извините, Александр. Да, так, о чем мы? О том, что жизнь коротка, а вокруг масса интересных вещей. Поэтому я принципиально не вытираю пыль больше двух-трех раз в году. Жалко времени. Правда, одна из моих учениц иногда моет пол. Поэтому, если сдвинуть вазу с букетом... вон ту, что на тумбочке у окна, то на поверхности останется след. Концепция ясна?

– Ясна. Вы хотите сказать, что у вас есть... вещдоки. Я правильно понял?

– Абсолютно. Вещдоки! В виде стертой пыли. Именно. И не вздумайте спросить, не я ли сама случайно передвинула... и так далее. Нет, не я. Все по той же причине: я к этой тумбе не подходила уже несколько лет. Букет давно пора выбросить, но он посыплется, намусорит, а жизнь... что? – Она, прищурившись, смотрела на Шibaева.

– Жизнь коротка.

– Верно. То же самое с буфетом на кухне, фигурками на комод в спальне, за стеклом в серванте. Это то, что можно осязать, так сказать. Следы. Кроме этого, не до конца задвинутые ящики письменного стола, сложенная в другом порядке корреспонденция в верхнем, переставленные книги на полке. Я еще не сошла с ума.

Она снова дала понять, что голова у нее в порядке. Видимо, это ее беспокоит, подумал Шibaев. Слабеет память, забываются имена, исчезают ключи и деньги, и она повторяет, что с головой все в порядке. Утешает себя, потому что ей страшно.

– Окна проверяли?

– Окна? – Она задумалась. – Проверяла здесь и в спальне. Они больше нигде не открываются, осели. Дому... знаете, сколько?

«Лет сто?» – вертелось на языке Шibaева, но вместо этого он спросил:

– У вас есть какие-нибудь ценности?

– Да, да, знаю. Деньги, золото, антиквариат. Есть несколько немецких фарфоровых фигурок пастухов, пастушек и собачек. Еще несколько картин. – Она махнула рукой на стену позади Шibaева. Он обернулся и увидел картину с букетом незабудок и двумя яблоками. – Натюр-морт, единственная ценность которого – возраст. Но смотрится мило. Некоторым вещам возраст не страшен, даже наоборот. В отличие от людей. Золота нет. Хотите взглянуть? На следы!

Она стала подниматься с дивана, и Шibaев вскочил ей на помощь.

– Спасибо, Александр! – Она тяжело оперлась на его руку. – Правое колено совершенно перестало подчиняться. Вы ведь не считаете, что я выдумываю, правда? Коля решил, что я выжила из ума, это было написано на его выразительном лице. Смотрите! Начнем с вазы.

Шибает подошел к тумбочке с вазой, присмотрелся. На покрытой пылью поверхности он заметил явственный полукруг полированного дерева без пыли – след вазы до того, как ее передвинули.

– Я думаю, они были в перчатках, – заметила Ада Борисовна.

– Любите детективы? – не удержался Шибает.

– Обожаю! И научную фантастику. В серванте то же самое. Все сдвинуто.

– Мой друг адвокат утверждает, что полтергейст существует.

– Конечно, существует. Но он приходит в гости, когда хозяйка дома, а не шарит в их отсутствие. Ему нужна публика, он – актер.

– Похоже, они искали что-то небольшое, – заметил он.

– Я тоже так думаю. То, что поместится в кофейник или в вазу. Но у меня ничего нет... – Она вдруг запнулась. – Стойте! Есть! – Она открыла дверцу серванта, вытащила синюю с золотом сахарницу, сняла крышку и достала маленький сверток в полиэтиленовом пакетице. Развернула и показала Шибаету брошку белого металла в виде веточки с синими камешками-цветками. – Это от мамы осталось, бабкино еще. Платина и сапфиры. Я и забыла! Для меня она слишком мелкая, я предпочитаю бижутерию. Кроме того, не люблю классику, обожаю арт-деко. У меня есть альбом украшений в стиле арт-деко, это мое! Люблю серебро, кораллы, бирюзу. Берешь в руки и чувствуешь. Кроме того, бирюза очень молодит, не замечали?

– Как-то не очень, – сказал Шибает. – Они не могли этого не видеть.

– Не могли. – Она смотрела озадаченно. – Тогда что? Получается, у меня крыша едет? – Она заглядывала ему в глаза, в ее взгляде был вопрос.

– Не факт. Это может говорить о том, что искали что-то другое.

Что-то другое... А что еще он мог сказать? Он ей не поверил. Ни один вор не прошел бы мимо платинового украшения. Капитан Астахов был прав, хотя и не сказал этого прямо. Возраст, одиночество, детективные романы... все сказывается. И что ему теперь делать? Как уйти «покарасивше», чтобы не обидеть?

– Я бы хотел проверить окна, можно? – нашелся он, сообразив, что на этом можно поставить точку и распрощаться.

– Конечно! С чего начнем?

– С этих. – Он подошел к окну справа от серванта, внимательно осмотрел; затем перешел ко второму. Запоры были старые, потемневшие, но держались крепко. Он не заметил ничего подозрительного в оконных запорах и в спальнях – их было две. Одна действующая, хозяйкина, с громадной кроватью из рыжего дерева, покрытой синим шелковым покрывалом, и такими же шторами, даже коврик у кровати был синий; в другой был навален всякий хлам. В кухне с окном тоже все было в порядке. Хлипкая дверь вела на небольшую веранду. Даже из окна было видно, насколько обветшало и потемнело дерево стен и оконных рам, половины стекол не доставало, а уцелевшие были запылены до полной потери видимости; по углам свисала паутина.

– Я не пользуюсь верандой уже лет сорок, – сказала Ада Борисовна, и в ее голосе Шибаету послышалось смущение. – Там провален пол, и вообще. А дверь в сад заколочена, видно даже отсюда. Давно уже. Я – плохая хозяйка, Саша. Всегда была...

– Жизнь коротка, – заметил он и зачем-то добавил: – Несколько лет собираюсь разобрать балкон, да все как-то руки не доходят...

Ему хотелось подбодрить ее, но получилось неуклюже и демонстративно, как будто он жалел ее. Он действительно жалел ее и остро почувствовал это только сейчас, увидев запыленную веранду с заколоченной дверью, и она в своем ярко-зеленом халате и избытком краски на лице уже не была энергичной пожилой дамой, а казалась потерянной и угасшей старухой...

– Вы сказали, у вас есть серебряные украшения с бирюзой, – вспомнил он, не посмеяв сказать, что ему уже пора. – Можно взглянуть?

– Можно. Сейчас принесу. – Вся ее живость исчезла, она выглядела уставшей, даже макияж словно вылинял.

Ада Борисовна вышла и вернулась через несколько минут, держа в руках деревянную лакированную шкатулку с зимним пейзажем и мчащейся тройкой на крышке. Она опрокинула шкатулку над журнальным столиком и сказала:

– Так будет нагляднее.

Из шкатулки с грохотом вывалился клубок из цепочек, кулонов, бус, браслетов и рассыпался по столешнице. Шibaев подхватил массивный перстень с темно-зеленым камнем, покачившийся к краю стола.

– Это малахит, – сказала она. – Люблю все оттенки зеленого.

Шibaев рассматривал потемневшее серебро, бирюзу, кораллы, бусы из разноцветных камней. Причудливые оправы, переплетения серебряных нитей, крупные камни – все это выглядело тяжелым даже на вид. И старомодным – не иначе, с блошиного рынка.

– Смотрите, Александр, это агат. – Она протянула ему нитку крупных бус. – Прекрасный камень, разноцветный, жизнерадостный. Эти бусы я купила в Индии, с лотка уличного торговца. Буквально за копейки. И это колечко с кошачьим глазом тоже оттуда. Стало мало, не годится больше. А это из Турции, – она взяла в руки крупный кулон. – Обожаю бирюзу... Кажется, я уже говорила. Эти кораллы – из Мексики, купила на Козумели. Видите, они бледные, скорее розовые. Натуральные, почти не обработанные. Браслеты с бирюзой оттуда же. Она отличается от турецкой, цвет интенсивнее. Вот браслет из дикройка². Это какое-то специальное стекло, смотрите, похоже на многоцветную радугу и отражает свет. Похоже на жука-светляка. Торговец почти не говорил по-английски, и я поняла, что его добывают в горах. Я была уверена, что это натуральный камень, а потом нашла в Интернете. Оказалось, стекло, и можно изготовить самому. Но это не важно. Я его очень люблю, от него радость. А вот этот кулон из ларимара, он водится только в Доминикане. Бледно-голубой, как Карибы рано утром, до восхода солнца. Восход там изумительный, мы вставали в полшестого, чтобы увидеть. Без пятнадцати шесть из моря появляется раскаленный край солнца. Оно выскакивает за две-три минуты, ослепительное, сияющее, как будто рождается из моря. Сначала красное, раскаленное, потом поднимается выше и становится обычным, белым. И море уже не бледно-голубое, а ярко-бирюзовое. Если бы люди почаще смотрели на восход солнца, мир был бы добрее. – Она снова помолчала. – Камни – чудо, Александр. Держишь в руке – и такая радость! Чувствуешь, что они живые. Чем больше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что все имеет смысл. Абсолютно все. Потому и появился хомо сапиенс, чтобы понять, в чем смысл, и оценить красоту. Больше никому. – Она смотрела на него улыбаясь, и он улыбнулся в ответ. – Янтари у меня отдельно, они мягкие, можно поцарапать. Они теплые, а остальные камни холодные. Знаете, как распознать настоящий камень? Меня мой ученик-ювелир научил. Нужно приложить камень ко лбу, если холодный, значит, натуральный. Берешь в руку холодный, неживой, а через минуту он согревается от твоего тепла, и вы с ним как будто одно целое. У каждого камня свои свойства, в древности ими лечили. Хотите посмотреть мои янтари?

– Спасибо, не стоит. А это что? – Шibaев достал из груды крупный прозрачный серо-лиловый кристалл без оправы.

– Это горный хрусталь. Посмотрите на свет. Он как будто дымится и тени внутри. Это кулон, у него когда-то была оправа, но он выпал, а оправа куда-то завалилась. Белый металл, кажется, серебро. Обычно теряется камень, а у меня исчезла оправа. Я понесла к ювелиру, хотела сделать перстень, к тому самому, бывшему ученику... У меня их полно по всему городу! Он сказал, что надо шлифовать, много возни и не его профиль, и вообще он очень большой и в

² Дикройк, дикроик, или дихроичное стекло, – стекло, содержащее в своем составе микрослои окисей редкоземельных металлов и отражающее свет подобно голограмме.

трещинах, не будет смотреться. На том дело и кончилось. Теперь валяется. Я его тоже люблю. Он холодный, как лед. Вообще я люблю держать их в руке. Смотрю детектив по телевизору, а в руке – камень. Уже не холодный, а теплый, живой. Согрелся от меня. Я понимаю, почему люди шли на преступление ради камней. Они завораживают, в них – магия. Не в таких, конечно, а в настоящих. Хотя и такие тоже чудо, просто их больше, и они доступнее. У каждого знаменитого алмаза или рубина своя тысячелетняя история, за каждым шлейф крови. Из-за них начинались войны... – Она взглянула на Шibaева и замолчала. Он тоже молчал, не зная, что сказать. – Что мне делать, Александр? Я никогда ничего не боялась, всегда лезла напролом. А сейчас боюсь. Не бояться только непуганые, их просто никто не пугал. В детективных романах сыщик или психиатр рекомендуют сменить обстановку, уехать в путешествие, даже переселиться в гостиницу. Или сходить на шопинг. Не мой случай. А что думаете вы?

Шibaев не собирался говорить ей, что он думал. Не хотел обижать. Она ему понравилась, пожалуй. Во всяком случае удивила. У него не было знакомых старух, он априори считал их старыми занудами, а эта раскрашена, рассуждает здраво, и чувство юмора в наличии. Не заговаривается. И такой... такая... жадность к жизни! Даже пыль не вытирает, чтобы не терять время. Это позиция, как говорит Дрючин. Надо бы их познакомить.

– Саша, а если устроить засаду? – сказала вдруг Ада Борисовна.

Она смотрела на него с надеждой. Она действительно боялась. Пугает не столько опасность, сколько неизвестность. Она не понимала, что *им* нужно. Если *они* существуют, конечно, в чем он сомневался. Больше того, не верил. У всех бзика – вон, Дрючин верит в приметы, в карты Таро и всякую потустороннюю дребедень. Уверен, что зеркала – вход в параллельный мир. Это кем нужно быть, чтобы верить в подобную чушь? Правда, было у Шibaева подозрение, что Алик попросту валяет дурака и интересничает. Ну не идиот же он в конце концов! А она думает, что кто-то роется в ее вещах. Он, Шibaев, верит только фактам. Вещдокам. Даже условным, вроде полоски пыли или ее отсутствия. «Скучный человек ты, Шibaев, – говорит Алик. – Никакой в тебе романтики. Хочешь, погадаю на картах?»

– Ада Борисовна, а вы не находили ничего...

– В смысле, они могли что-нибудь выронить? – живо перебила она. – Улику?

– Да.

Она задумалась.

– Однажды был запах дыма, кто-то курил. Я каждый день, даже в дождь, два часа гуляю в парке. Вернулась и почувствовала запах. Никто из моих учеников не курит, да и не стал бы здесь. Соседей у меня нет.

Запах дыма... Мало. Считаю, ничего. Шарит тот, кто знает или подозревает, что может что-то найти. Наводчиками чаще всего бывают те, кто вхож в лом.

– Сколько у вас учеников?

– Двое. Дети моих бывших учеников. Если вы думаете, что кто-то из них... Нет! Это приличные люди, а не какие-нибудь... урки. Кроме того, они еще маленькие, двенадцать и десять лет.

– Можно их имена? – Шibaев достал из папки блокнот и ручку.

Она неохотно продиктовала ему имена.

– Когда это началось?

– Я заметила около двух месяцев назад. Или чуть больше. Стала присматриваться и... – Она пожала плечами.

– Кто был в доме за последние три месяца? Сантехник, медсестра, «Скорая»?

– Никого, – сказала она после продолжительной паузы. – Даже учеников нет уже два месяца, сейчас каникулы. – Повторила: – Может, все-таки засаду?

Ада Борисовна смотрела на него так... что он не посмел отказать. Подумал: хрен с ним, все равно простой, придется потерять пару часов. Алоиз из Германии подождет. День-другой

роли не играет. Как говорит Алик, устроим благотворительную акцию. А за капитаном будет должок.

– Ладно, Ада Борисовна, устроим засаду. Завтра... Нет! Послезавтра подходит?

– Спасибо! – Он видел, как она обрадовалась. – Подходит! Конечно, подходит.

– Когда вы гуляете?

– С одиннадцати до часу.

– Я приду в десять и останусь, а вы в одиннадцать уйдете на два часа. Лады?

– Спасибо! – повторила она. – Я очень вам признательна, Александр.

Уже прощаясь на крыльце, он спросил:

– Вы всю жизнь в городе?

Она кивнула.

– Возможно, вы слышали фамилии Старицкий или Бергман? У вас было столько учеников...

Учительница снова задумалась. Потом пожала плечами:

– Не припоминаю. Кто они?

– Пока не знаю. Замок не заедает в последнее время?

– Как всегда, цепляет внутри, уже лет тридцать. А царапин нет, я проверяла с лупой. Если бы заметила, сразу сменила бы. У меня бывший ученик в автошколе работает, на все руки. Может, действительно, полтергейст?

Шибает нагнулся, рассматривая замочную скважину. Потемневший от времени замок был цел и невредим.

– Ну что? – спросила Ада Борисовна. – Есть что-нибудь?

– Не вижу, – сказал он, и они распрощались.

– Ну как? – спросил Алик, когда Шибает вернулся в их общий офис. – Что там у бабки с головой?

– С головой все нормально. Ее зовут Ада Борисовна. Она уверена, что в доме в ее отсутствие кто-то бывает.

– Ты говорил. И что? Старческие фантазии? Маразм?

– Не похоже, что фантазии. Ясная голова, сидит в Интернете, любит детективы.

– Любит детективы? Это же все объясняет! Ежу понятно, выдумывает старушка.

– Ее зовут Ада Борисовна! – с нажимом произнес Шибает. – Это ничего не объясняет.

Она толково рассказала, почему уверена, что у нее кто-то шарится. Вполне здраво.

– В смысле, они что-то ищут?

– Похоже на то.

– Деньги? Золото? Подпольная миллионерша? Что у нее есть такого ценного?

– Говорит, ничего. Любит камни...

– Камни?! – воскликнул Алик. – Это же все объясняет! Они ищут камни!

– Камни в шкатулке в спальне, она не закрывается. Это не те камни, Дрючин. Кораллы, бирюза, янтарь... еще какие-то, я не запомнил. В серебре. Она любит крупные украшения, там целые булжники. Всякие браслеты, подвески, бусы. Она, видимо, много ездила и везде покупала. Им цена – грош в базарный день. Да и не тронули их, все на месте. Даже платиновая брошка.

– У нее есть платиновая брошка?

– Да. Спрятана в серванте, в кофейнике. Бабкина.

– Не заметили?

– Скорее наоборот.

– В каком смысле? Что значит наоборот?

Шибает не ответил. Нахмурился, задумался.

- Что значит наоборот? – переспросил Алик.
- Не взяли, потому что не хотели, чтобы их заметили. То, что не взяли, не доказывает, что их нет. Так понятно?
- Ты уверен?
- Нет.
- А может, хотят отнять квартиру, ищут документы. Где она живет?
- У нее свой дом на «Кавказе».
- Там земля дорогая, считай, курортная зона, река рядом. Помню один случай, когда пытались отжать квартиру и кошмарили старика...
- Не думаю, – перебил Шibaев.
- Почему?
- Если бы ей предложили поменять дом на однокомнатную квартиру где-нибудь в центре, с горячей водой и газом, она бы согласилась. С домом одна морока, тем более в ее возрасте. И газ у нее в баллонах.
- Тогда что?
- Не знаю.
- Между прочим, есть очень ценные сорта бирюзы. В переводе с персидского это камень счастья. Европейцы называли его «туркиз» – турецкий камень. Считали, что он приносит удачу. Английский король Иоанн Безземельный, например, носил бирюзу, так как она спасает от яда. И не только он. Я когда-то увлекался камнями, много читал. Сейчас! – Алик забегал пальцами по клавишам. – Вот! Слушай! Бирюза помогает при бессоннице и кошмарах. Полезна для сердца, легких, печени и желудка. Э-э-э... укрепляет зрение, голосовые связки и щитовидную железу. Биоэнергетика... да! Монгольские ламы считают, что бирюза «болеет» вместе с человеком: если тускнеет или зеленеет, это сигнал болезни. А почему? – Он оторвался от экрана и взглянул на Шibaева.
- Что почему?
- Почему она реагирует на болезнь? – Он, ухмыляясь, смотрел на Шibaева. – Ты же детектив! Вот и сообрази. Ответ лежит на поверхности, между прочим.
- Дрючин, кончай дурью маяться. Не знаю.
- А подумать? Что происходит с больным?
- Температура?
- Бинго! У него повышается температура, и бирюза тут же реагирует. А какие еще у нее камни?
- Не помню, – соврал Шibaев. – На вид всякая ерунда. С блошиного рынка.
- С блошиного рынка? Обожаю! И что ты собираешься делать?
- Посижу у нее, пока она гуляет в парке...
- Засада? Я с тобой!
- Не забудь пистолет.
- Ты думаешь? – поразился Алик.
- Дрючин, я же сказал: перестань дурью маяться. Я не мог ей отказать, слабину дал. Посижу пару часов, успокою. Моя англичанка была не такая, она чуть что сразу начинала визжать. А эта нормальная. Одна, детей, как я понимаю, нет... Никого нет. Могу вас познакомить, поговорите о камнях и полтергейсте...
- Весь вечер Алик просидел в Интернете, время от времени зачитывая Шibaеву всякие интересные сведения о камнях.
- Слушай, Ши-бон! – кричал он. – Слушай, что пишут! Это же целый раздел магии! Как это я пропустил! Например, изумруд. Зелененький такой. Слушай. Носящий его освобождается от тоски и ипохондрии. Если посмотреть на камень утром, весь день будет легким. Он отгоняет дурные сны и спасает от коварства в любви. А вот про рубин. Доброго человека он

делает еще добрее, а злого превращает в настоящего злодея. Благородный и мужественный человек, носящий с собой этот талисман, одерживает победы, совершает подвиги, а простолоудинам рубин приносит счастье в любви. Древние египтяне верили, что рубин обнаруживает яд, хранит от колдовства и излечивает головную боль. Представляешь? Мы же ничего этого не знаем!

– У нас их все равно нет, – заметил Шибает. – Толку знать.

– Неужели тебе не интересно? Или вот еще про жемчуг. Советы средневековых трактатов о нем разноречивы. В одной книге пишется: носить жемчуг не следует, поскольку он олицетворяет темные силы, в другой – что он благотворно влияет на здоровье и способствует благополучию в жизни. Жемчуга полно, одна моя знакомая привезла из Китая целый чемодан. В Шанхае есть жемчужный рынок, тянется на километры, продают буквально за копейки. Причем разного цвета. Научились штамповать из молотой жемчужной массы и даже красить, не отличишь от настоящего.

– Китайцы – те еще умельцы, – уронил Шибает рассеянно.

– А вот про сапфир, он синий или голубой. У твоей англичанки брошка с сапфирами. У кого имеется сапфир, тот любимец богов. «Снимает он тоску и вероломство, дает силу усталому телу, освобождает от темницы». Мой камень, между прочим, для знака Льва, четвертое августа. Сердолик! Отводит злых духов, оберегает от колдовства, уводит от ссор, обостряет ум. Аметист... Делает человека разумным, придает ему бодрости, отгоняет дурные мысли, а также помогает при ловле диких зверей и предохраняет от опьянения. Кстати, это твой камень, Шибает, февральский. Ты у нас Водолей. Если когда-нибудь пойдешь на охоту, надо взять с собой. Агат! Защищает от дурного глаза. Еще другие, полно, какие-то неизвестные. Гиацинт, берилл, хри... хризо-лит! Никогда о таких не слышал. А ты?

Не дождавись ответа, Алик оторвался от экрана и увидел, что Шибает уснул на диване...

Глава 8

Страшная находка

С утра пораньше Шибаев по совету Алика Дрючина отправился в архив. С утра – это не в шесть, как можно было бы подумать, а в половине десятого, так как открывается учреждение в десять. Он стал первым посетителем. Темный холодный вестибюль, высоченные сводчатые потолки – в незапамятные времена здесь был крестьянский банк – заставили его поежиться и вспомнить о погребке. Он спросил у дежурной, немолодой помятой тетке за стойкой, как ему найти Майю Григорьевну. Это был пароль от адвоката Дрючина. Тетка грозно заявила, что они – режимное предприятие, и потребовала документ. Шибаев достал паспорт. Она записала его фамилию в гроссбух и сообщила, что Майя Григорьевна работает на втором этаже в читальном зале, по лестнице направо. И не шуметь. «И не плевать на пол», – хотел добавить Шибаев, но воздержался, похвалив себя за выдержку. Тетка была старорежимная и неприятная.

Майя Григорьевна оказалась женщиной без возраста, мелкой, в очках, с короткой стрижкой. Типичная библиотечкаша, как он представлял их себе, не казавший нос в библиотеку со студенческой скамьи. Серая мышка. Шибаев назвал ее и сообщил, что он от адвоката Дрючина. Это снова прозвучало как пароль. Майя Григорьевна порозовела и сказала:

– Да, да, помню, он звонил. Чем могу помочь?

Если бы Шибаев знал! Накануне они с Аликом обсуждали поиск в архиве и решили, что спрашивать нужно городские газеты за одиннадцатый год, все, какие имеются, и уже там ловить и отсеивать...

– А не много? – спросил Шибаев, не любивший возни с бумагами.

– Две газеты, по-твоему, много?

– Две?

– Вряд ли больше. Просматривать только сплетни, события культурной жизни и криминал.

– Зачем криминал?

– Поверь, Ши-бон, криминал везде! – с печальной мудростью сказал Алик. – Где настоящая любовь, там обязательно криминал. Алексей Старицкий женился на бесприданнице, значит, по любви. Возьми классику! Тут без криминала никак.

– Ладно, посмотрю. – Шибаев не желал втягиваться в пустопорожние пререкания с адвокатом, поднаторевшим в болтовне. – Надеюсь, у них все в базе данных.

– Очень сомневаюсь. На архивы и музеи никогда не хватает денег. В лучшем случае на микрофишах. Придется смотреть через диапроектор. На одной штуке до сотни кадров. И они вечно ломаются, а чинить некому... в смысле, диапроекторы. Помню, как-то...

– Ладно, я понял, – перебил Шибаев. – Не забудь позвонить.

Запинаясь, он объяснил Майе Григорьевне, что ему нужен материал о всяких городских событиях начиная с одиннадцатого года. За пару лет. То есть он хотел бы просмотреть городские газеты. Прозвучало так себе, неубедительно. Майя Григорьевна смотрела на него серьезно, и ее глаза через толстые линзы казались стрекозиными.

– Алик упоминал, что вы пишете диссертацию. Вы историк?

Шибаев мысленно чертыхнулся: «Ну, Авокадо, погоди!»

Менее всего он был похож на историка, пишущего диссертацию. Алик, как всегда, разболтался и наплел ей неизвестно что. Или издевается? Но она смотрела на него так бесхитростно, и он смутился, что с ним бывало крайне редко.

Тут мы сделаем небольшое отступление и объясним, при чем тут авокадо. Это прозвище Алика Дрючина, по сходному звучанию с «абогадо», что значит «адвокат» на испанском. Была

в прошлом некая история с галстуком дикой расцветки фирмы «Абогадо», подаренным Алику благодарным клиентом. Хотя, как считал Шибаев, с фамилией Дрючин никакие кликухи и близко не стояли...

– Нет, мой брат учится в вузе, попросил помочь, – сказал он. – В Интернете не все, большие пропуски.

– Да, да, понимаю. Это на третьем нижнем ярусе. Я провожу вас. Можно поработать прямо там. Кое-что на микрофишах, кое-что живьем, так сказать. Можно фотографировать. Правда, там очень холодно, – добавила, с сомнением глядя на его легкую куртку. – Сейчас я возьму ключ...

Он видел, как она, скользнув за стойку дежурной, открыла шкафчик и достала ключ.

– Идемте!

И они пошли вниз по полутемной лестнице. Это напоминало погружение в колодезь. Здесь жило эхо с насморком; оно многократно и сипло повторяло и уносило куда-то вверх звук их шагов. Они подошли к металлической двери с номером двадцать два. Майя Григорьевна вставила ключ в замочную скважину и попыталась провернуть, но сил ей не хватило.

– Позвольте, я!

Шибаев слегка отодвинул ее и взялся за ключ. Скрежетнув, он подался, и дверь со скрипом открылась. Оттуда дохнуло старыми газетами. Они вошли. Майя Григорьевна включила свет, и Шибаев увидел ряды стеллажей, уходящие вдаль. Она пошла вперед, он – за ней.

– Нам нужен четвертый проход, стеллажи от четвертого до шестого примерно. Сюда!

Она свернула в нужный проход и вдруг остановилась. Шибаев налетел на нее и отскочил. Она вдруг вскрикнула тонко и пронзительно, что-то вроде «а-ах!», тыча рукой куда-то вперед, замолчала, закрыв рот рукой, и прислонилась к стеллажу. Шибаев шагнул и увидел, что на полу лежит человек. Серое лицо, подогнутые ноги и руки... Он тронул ее за плечо – она шарахнулась и вскрикнула, ударившись плечом о стеллаж.

– Кто это? Вы его знаете?

– Это Миша Клямкин, работает у нас. Его третий день нет на работе... Господи! Мы думали, что он заболел, а он – здесь. Сердце схватило, наверное. Его бросила жена, он, бедный, очень переживал...

Шибаев отметил неестественно вывернутую шею мужчины, синюшное лицо, окинул взглядом пол и стеллажи рядом с трупом.

– Какие материалы на этом стеллаже?

– На этом? – машинально повторила Майя Григорьевна. – Краеведческие, из земской управы, полицейские протоколы, судебные... Может, «Скорую»?

– Полицию. «Скорая» ему уже не нужна.

... Дожидаясь приезда полиции, он сидел в читальном зале. Раздумывал, какой смысл в том, что именно он, Шибаев, наткнулся на труп в подвале. Алик подвел бы целую базу о том, как важно оказаться в нужном месте в нужное время. Черт! Подфартило. Считай, что день потерян, будут выворачивать наизнанку и таскать на беседы, понимай, допросы. Почти очевидец, повезло, как покойнику. Тут Шибаев устыдился, подумав о... как его? Клямкин! Пролежал три дня на полу в подвале. В хранилище. В темноте, с крысами. В том, что там есть крысы, Шибаев не сомневался. Там пахло крысами. Хотя, должно быть, травят, а то сожрут все краеведение. Майя сказала, что он три дня не выходил на работу, если не все четыре. И никто не хватился и не позвонил коллеге? Или звонили? Но разговор не состоялся, потому что, коллега на тот момент был убит. Как он туда попал? Когда? Спустился в рабочее время и не вернулся? А кто тогда запер дверь и вернул ключ на щиток? Выходит, убийца пошел следом... или они спустились вместе? Посторонним туда нельзя, но Шибаева пустили, потому что адвокат Дрючин позвонил своей доброй знакомой. Блат живуч, его никто не отменял. Нельзя, но если позвонили, то можно. Теперь ей прилетит. Так же и Клямкин, скорее всего. Его попро-

силы, и он привел кого-то в подвал к стеллажам, где документы начала прошлого века, после чего убийца свернул ему шею. Это говорит о том – они нашли то, что искали, и Клямкин превратился в ненужного свидетеля. Видимо, дело серьезное, раз дошло до убийства. Серьезное дело, имевшее место более века назад? О чем речь, господа? Неизвестно. А документы убийца скорее всего забрал с собой. Или оставил, но сделал фото. Нет, забрал! Если нарыли горячее, то забрал, чтобы уничтожить следы. Надо бы просмотреть все папки... Где именно? Во всем хранилище? Не факт, что Клямкин работал там, где его убили. То есть убийца мог его оттащить. Это определяют криминалисты. Но попробовать стоит. Значит, все-таки проверить папки на стеллажах рядом. Он, Шibaев, начал бы именно с этого. Но его советов никто не спросит. Наоборот. Он – подозрительный тип, паленый мент, мелкий сомнительный частный детектив, подглядывающий в замочные скважины. И тут возникает вопрос: куда же он вляпался? А Клямкин? И как убийца вернул ключ на место? Или это был свой, не вызвавший подозрения?

«Ладно, Шibaев, прекратить истерику», – приказал он себе. Настроение хреновое, понятно, но не конец света. Во всяком случае не для тебя – в отличие от Миши Клямкина. Убийца забрал документы, поднялся наверх и спокойно ушел. Одна из версий. А как же ключ? Просто повесил на место. А что там было на самом деле... черт его знает! Не шibaевское это собачье дело. Не лезь и отвечай коротко и по существу на заданный вопрос. Хотя версий всего-то – одна-две и обчелся. Свой или чужой. Раз. Пошел за Клямкиным тайком или тот привел его сам. Два. И третье, главное: они нашли то, что искали. Точка. Так что сиди и жди. Додумаются без тебя. Не хотелось бы нарваться на бывших коллег. Но тут уж ничего не поделаешь, что называется, попал. И еще... Паршиво то, что теперь его не подпустят к хранилищу даже на пушечный выстрел. Даже если адвокат Дрючин близко знаком с директором, неоднократно выпивали вместе и парились в сауне, даже если он приведет Шibaева самолично. Отбой, Шibaев, с архивом. Облом. Непруха.

Майя Григорьевна плакала, деликатно сморкаясь в платочек.

Капитан Астахов появился через двадцать две минуты. С ним еще трое и маленький подвижный и, как всегда, элегантный судмед Лисица, легенда убойного отдела. Увидев Шibaева, капитан очень удивился:

– Шibaев, ты? В архиве? Каким боком?

С его точки зрения не тот Шibaев персонаж, чтобы ошиваться по архивам. Даже обидно. «Интересно, – мелькнуло в голове Шibaева, – а если бы на его месте был Алик, капитан тоже удивился бы?»

– Мы нашли тело.

– Мы?

– Работник архива Майя Григорьевна, – Шibaев кивнул на плачущую женщину, – и я.

– А что ты тут делал?

– Может, спустишься и посмотришь? А потом поговорим.

Они затопали вниз по лестнице, которая наполнилась грохочущим эхом. Майя Григорьевна сунула ключ в замочную скважину, и повторилась давешняя сцена. Шibaев отодвинул ее, пробормотав: «Заедает», и сам отпер дверь.

– Можно, я останусь здесь? – спросила Майя Григорьевна.

– Я помню где, – сказал Шibaев. – Пошли.

Они сгрудились в начале прохода, рассматривая мертвого человека на полу.

– Ему свернули шею, – сказал Шibaев. – Зовут Клямкин Михаил, один из старейших работников. Его уже три дня не было на работе, а то и четыре. Он недавно развелся и был в депрессии.

– Лисица, сколько он здесь? – спросил капитан Астахов. – Навскидку.

Судмед протиснулся вперед и нагнулся над телом, словно принимавшийся.

– Ну и холодрыга, – заметил капитан. – Ну что там?
– Сам же сказал, холодрыга. Тормозит естественный процесс разложения. Дня три или четыре. Точнее, сам понимаешь...

– Понимаю.

– ...Так что ты тут делал? – спросил капитан Астахов Шибаева, когда они поднялись из хранилища и расположились в читальном зале.

– Нужно было просмотреть вырезки из старых газет...

– Зачем?

– Ко мне обратился гражданин Германии с просьбой найти кого-нибудь из семьи, дал кое-какие наводки, в частности, вырезки из газет за тысяча девятьсот одиннадцатый год, – отпортовал Шибаев. – Семья была известной, город небольшой, возможно, остались потомки.

– Эмигрант?

– Нет, он родился в Германии. Немец. Перед Первой мировой его дед женился на немке. Когда произошла революция, они уехали за границу и осели в Германии. Никаких известий о семье у них с тех пор не было. Революция и две войны всех разбросали. Сейчас он ищет родных...

– Зачем?

– Я не спрашивал. Дрючин считает, из старческой сентиментальности. Остался один, должно быть, вот и решил поискать. Или хочет вернуть собственность, что вряд ли. Как версия. Я пришел посмотреть газеты, надо же с чего-то начинать. И нашел Клямкина. Планида такая.

Капитан Астахов мерил Шибаева своим знаменитым взглядом в упор, раздумывал. Благодаря этому взгляду он получил кличку Коля-буль, в честь своей собаки, буля с отвратительным характером старой девы по имени Клара. Хотя, что тут раздумывать! Шибаеву не повезло, видно невооруженным глазом. Вообще, любимчиком фортуны его не назовешь, вечно вляпывается куда не надо. Действительно, планида.

– Я могу идти? – спросил Шибаев.

– Свободен.

Он поднялся:

– Кстати, я виделся с твоей Адой Борисовной.

– Ну и?..

Шибаев пожал плечами:

– Не знаю. Она уверена, будто у нее что-то ищут.

– Она не сказала что? Никаких мыслей? Деньги? Ювелирку? Завещание?

– Не думаю. Говорит, ничего такого.

– А с головой у нее как?

– Вроде нормально. Умная, с чувством юмора, любит детективы, сидит в Интернете.

– Она здорово нас гоняла, – ухмыльнулся капитан. – Не поверишь, ее боялись больше, чем директора. Язык как бритва. Мы называли ее Адской англичанкой.

– Ты говорил.

– Ага. Так на чем вы порешили?

– Зайду завтра еще раз, на всякий случай.

– Спасибо. Она про меня не вспоминала?

– Очень хвалила, – соврал Шибаев. – Говорит, серьезный и старательный пацан, гордость класса.

– Не свисти! – обличил его капитан. – Ладно, позвонишь, если что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.